

Цена в переплете 2 рубля

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Одесское Отделение Акц. Об-ва Книжной Торговли
Одесса, ул. Ленина, № 11

Т $\frac{13}{85}$

НОВЫЙ ДНЕВНИК МУРЗИЛКИ

8
5

Степан Петров.

Т 13
85

Л. ЕВГЕНЬЕВ

Новый дневник Мурзилки

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИЛИПУТИКОВ

Со 120 рисунками в тексте

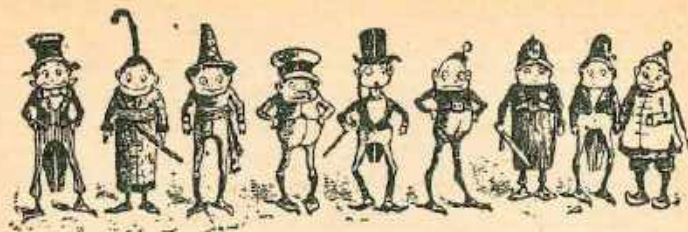

ХХVII - 20988

ИЗДАНИЕ АВТОРА

ОДЕССА — 1927

Окріт (Одеса) № 75.

2-а Держкрумарня ім. Леніна.
Одеса, Пушкінська вул., № 18.
Телефон 5-49.
Зам. № 1476. Тираж 5000 прим.

I.

В одно прекрасное весеннее утро к станции Москва с шумом и грохотом подкатил паровоз.

В этот ранний час по расписанию не ждали никакого поезда, а потому внезапное появление паровоза произвело большой переполох.

Начальник станции и его три помощника быстро выскочили на платформу, чтобы узнать, в чем дело.

Каково же было их удивление, когда они увидели, что на паровозе не было ни машиниста, ни кочегара.

Вдруг начальник станции воскликнул, обращаясь к своим помощникам:

— Посмотрите, товарищи. Паровозом-то управляют какие-то черные букашки. Посмотрите же: они облепили буквально весь паровоз, сидят на крыше, на котле, на колесах, на трубе... Одна из букашек забралась даже на фонарь паровоза...

— Что за история?! — бормотал старый помощник начальника станции. — Сколько лет служу на железной дороге, а никогда еще ничего подобного не видал!

Не веря своим глазам, пораженные, они не двигались с места. Ноги их точно приросли к платформе.

Так прошло несколько мгновений.

Наконец, начальник станции опомнился первый. Он быстро соскочил с платформы, с очевидным намерением захватить букашек.

Но те в один миг прыгнули с паровоза и разбежались в разные стороны.

— Эй, сторожа, держите! ловите! — кричал начальник станции.

Однако, как ни бегали, ни искали букашек железнодорожные сторожа, они ничего не нашли: все букашки исчезли.

На самом деле это были вовсе не букашки, а мы — маленькие человечки, липутики.

Мы настоящие люди, только ростом поменьше людей: самый высокий из нас будет не выше обыкновенной куклы. Живем мы в

Букашки облепили весь паровоз...

лесу, в зеленом мху, между черными стволами деревьев и опавшими листьями. Там у нас есть свои города и селения, есть избушки и домики. Хорошо живет в этом зеленом мху, но жить всегда в дремучем лесу одним,

с лесными букашками и жучками, скучно. Поэтому иногда мы оставляем наши города и отправляемся путешествовать по белу-свету, людей посмотреть, себя показать, по-развлечься, пошалить, напроказить, а иной раз и помочь людям, сделать какое-нибудь доброе, хорошее дело.

Впрочем, попадаться на глаза взрослым людям мы не любим: они такие большие, такие серьезные и страшные в сравнении с нами, малютками.

Мы их боимся.

Вот дети — другое дело. С детьми мы в большой дружбе. И дети все знают нас и любят слушать веселые рассказы о наших проделках и путешествиях. Об этом написано уже несколько книг. Там можно прочесть и о приключениях самого старого из нас — Дедки-Бородача, и о проделках Скока, Знайки, Пучеглазки, Быструна, Вертушки, Шиворот-Навыворота, и о путешествиях маленького китайца Чи-ка-чи, Эскимоса, Индейца и других лилипутиков, о том, какой у нас есть умный доктор Мазь-Перемазь, который умеет быстро вылечивать всякие болезни, о рыбаке Рикки, о стрелке-охотнике Мике, и, конечно, обо мне — Мурзилке.

Теперь мы отправились в новое большое путешествие. На этот раз мы думаем объехать много стран. Прежде всего мы захотели побывать в Москве, где многие из нас еще никогда не бывали. Путешествие по Москве должно быть очень интересно. Из Москвы мы двинемся на юг, в теплые страны.

Чтобы наши друзья — дети знали об этом путешествии, я, Мурзилка, с согласия всех моих товарищей, решил вести в дороге дневник. И я буду записывать решительно все, что с нами случится во время путешествия.

Итак, я приступаю.

II.

Наше путешествие началось с Москвы, куда мы попали на паровозе, приведя в такое изумление всех на станции.

Управлял паровозом Знайка, которому недаром дано было такое имя: он действительно все знал, на все руки был мастер.

Знайка воспользовался тем, что паровоз стоял без присмотра у большого железнодорожного здания и предложил прокатить всех нас.

Но нужно было сначала растопить паровоз, а между тем, ни угля, ни дров на паровозе не было.

Не долго думая, мы срубили большое дерево, стоявшее вблизи, раскололи его на

мелкие части, бросили в печь паровоза, налили в котел воды и, когда появился пар, двинулись в путь — в Москву.

Я, Мурзилка, выбрал себе самое опасное место — на фонаре. Я чуть было не сгорел или, вернее, не изжарился: так горячо было место, где я сидел. Но... я храбро вынес все страдания, между тем как другие товарищи, сидевшие со мною рядом, — Чумилка-Ведун, Карапузик и Кнопка, — не выдержали и у самой станции спрыгнули вниз.

Разбежавшись с паровоза в разные стороны, чтобы не попасть людям в руки, мы долго впотьмах искали друг друга.

Наконец, все сошлись вместе.

Началась обычная перекличка.

Дедко-Бородач выкрикивал одно имя за другим:

- — Скок?
- Здесь! — раздался тонкий голос.
- Вертушка?
- Здесь!
- Доктор Мазь-Перемазь?
- Здесь!
- Карапузик?
- Здесь!
- Китаец Чи-ка-чи?

- Здесь!
- Пучеглазка?
- Здесь!
- Индеец?

И так далее, и так далее.

Наконец, Дедко-Бородач крикнул:

— Мурзилка?

Я молчал.

— Мурзилка? — повторил Дедко-Бородач. — Мурзилка, где ты?

— Он берет холодную ванну после жаркого путешествия на фонаре, — сострил Треуголка.

Я уже хотел обидеться, но решил, что не стоит. Я отлично знаю: мои товарищи часто смеются надо мною, конечно, из зависти, что я самый умный и самый храбрый между ними, и потому еще, что я одеваюсь всегда по последней моде и ни у кого из товарищей нет ни такой шляпы, ни такой тросточки, ни такого стеклышка в глазу, как у меня.

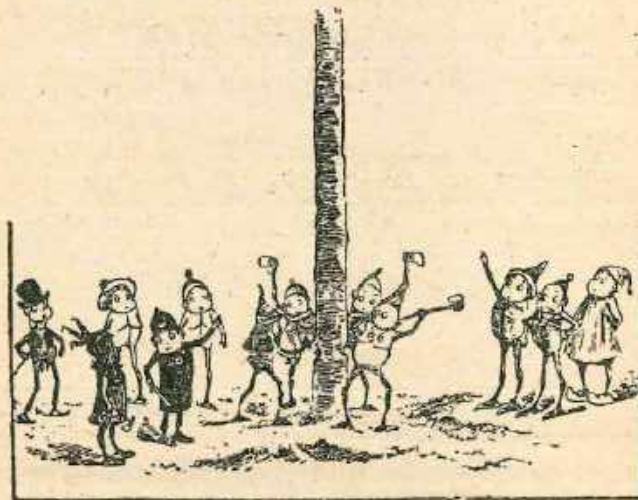
Когда оказалось, что все лилипутики на-лицо, Дедко-Бородач заговорил снова:

— Мы должны попросить кого-нибудь, кто хорошо знает Москву, чтобы он показал нам город. Кто знает Москву?

— Я! — вскричал Знайка.

— И я! — подхватил я.

— Ты, Мурзилка, разве был в Москве? — удивился Бородач.

Мы срубили большое дерево...

— В самой Москве я не был, но отлично видел всю Москву, сидя на фонаре, когда мы подъезжали к станции, — ответил я.

— Я, собственно, тоже не был сам в Москве, — сказал Знайка, — а только мне о ней так подробно рассказывали, что все равно, что был. Я обо всем знаю, могу все вам показать...

Долго спорили, кого выбрать предводителем — Знайку или меня — и, наконец, решили выбрать Знайку.

— Итак, друзья, — начал Знайка, когда его выбрали, — мы приступим к осмотру Москвы. Прежде всего я поведу вас в Кремль: это самое интересное место в Москве.

Мы отправились. Трудно перечислить все улицы, бульвары, площади, по которым мы проходили: их было без конца. Мы странствовали по городу более половины дня, пока, наконец, совершенно не выбились из сил.

— А почему бы нам не воспользоваться трамваем? — предложил, наконец, кто-то. — Это было бы гораздо скорее.

Мы решили попробовать. Подошли к первой же остановке трамваев, дождались вагона, но пришлось остаться на месте и ждать второго вагона. Оказалось, что при нашем маленьком росте было совершенно невозможно вскочить на подножку трамвая. Один только Скок, прыгавший лучше всех, за что и получил свое имя, вскочил в трамвай и укатил вперед. Подошел второй трамвай. Мы опять попытались вскочить и

так же безуспешно. Прошло мимо еще несколько вагонов, а мы все стояли на месте.

— Лучше уж идти пешком! — заметил Рикки.

— Стойте, я придумал! — вскричал вдруг радостно Заячья Губа. — Делайте то же, что и я! Смотрите!

С этими словами он вскочил на сапог какого-то господина, входившего в трамвай, и вместе с ним очутился внутри вагона. Его примеру последовали и остальные. Скоро мы все были в вагоне. Последним попал в трамвай я, так как долго выбирал, за чью бы ногу уцепиться. Дело в том, что от растаявшего на улице снега и грязи башмаки у всех были довольно сомнительной чистоты, и я боялся испачкать свой костюм. Вероятно я долго еще выбирал бы, если бы не Знайка, который решительно заявил, что больше ждать меня не будет. Второпях я вскочил в чью-то грязную галошу, перепачкал свой костюм и, к довершению несчастья, чуть не уронил с головы свой цилиндр.

Мы ехали долго. Наконец, трамвай остановился, и вся публика из него вышла. Мы последовали за всеми.

Нельзя сказать, чтобы путешествовать по Москве было приятно, особенно тому, кому, как нам, приходится пробираться украдкой, чтобы не попасть на глаза людям. Мы долго блуждали по бесконечным улицам.

Наконец, Знайка радостно воскликнул:

— Вот, смотрите, перед нами Кремль! Видите эти стены: это — стены Кремля.

Мы стояли на огромной площади. Она заканчивалась длинной зубчатой стеной, в которой было несколько красивых башен. В одной из них были сделаны ворота. Они вели внутрь Кремля. Перед стеной находилась большая красивая постройка. Над входом в нее была короткая надпись:

ЛЕНИН

— Это — мавзолей Ленину, — сказал Знайка.

Мы все наперерыв стали расспрашивать его о Ленине. Знайка рассказал нам, как жил и боролся Ленин за счастье всех трудящихся и как произошла Октябрьская Революция.

— Это — мавзолей Ленину, — сказал Знайка.

— Ленин очень любил детей, и заботился о них, — так кончил Знайка свою речь, — и после его смерти рабочие и крестьяне Советской страны продолжали строить свое государство и заботиться о детях. Да вот, смотрите сами!

Знайка указал нам на большую афишу, которая была прилеплена к стене ближайшего дома. На афише было напечатано:

Забота о детях — лучший памятник Ленину.

— Мы непременно зайдём в один из детских домов, — сказал Знайка, — а пока осмотрим мавзолей.

Все мы гуськом перешли через площадь и, сняв шляпы, стали входить в мавзолей. Красноармеец с ружьём, стоявший на часах у входа, с любопытством смотрел на эту процессию маленьких человечков.

Поклонившись Ленину, который лежал в гробу, как живой, мы тихо вышли на площадь и через ворота вошли в Кремль.

Знайка продолжал свои объяснения.

— Здесь в Кремле когда-то жили московские цари. Они понастроили тут и дворец, и церкви, — вон, видите, какая высокая колокольня! Её зовут Иван Великий. Здесь же была и крепость. В неё запирались, когда приближался враг. Вот почему и построили стены с башнями и бойницами.

Мы огляделись кругом и, действительно, увидели и дворец, и церкви, и высоченную колокольню, и стены с башнями...

— А что это за большой колокол? Почему он лежит на земле? — спросил вдруг Кнопка.

Знайка рассмеялся.

— Этот колокол оборвался когда-то с колокольни, упал и разбился. С тех пор он лежит и не звонит. А дальше вы увидите такую же старинную огромную пушку: она не стреляет.

Мы все окружили пушку.

— Хорошо, что она не стреляет, — подумал я. — От её выстрела можно было бы оглохнуть.

Долго ещё ходили мы по Кремлю, осматривали красивые старинные здания и любовались видом на реку.

Знайка не умолкал.

— Когда-то в этом роскошном дворце жили только цари, — объяснял он, — теперь же в Кремле живет и работает рабочее правительство...

Наступал вечер. Все мои товарищи и я очень устали от целого дня хождения по Москве и потому отправились в гостиницу, поужинали и легли спать.

На другой день я проснулся от сильного звона и шумного пения. Я в первую минуту

сильно перепугался: мне показалось, что в комнату въехал трамвай.

Но, открыв глаза, я увидел, что доктор Мазь-Перемазь стоит у постели и неистово трясет колокольчиком над моим ухом. Кроме

Они пели хором...

доктора, в комнате находились и все остальные товарищи. Они пели хором. Дирижировал Карапузик, известный музыкант.

Едва я услышал их песню, как страшно обиделся и озлился. Посудите сами! Хор пел:

Ты, Мурзилка, — щеголь, франт!
На затылке — синий бант!
Поскорее просыпайся!
Умывайся! Одевайся!

Не спорю, я люблю немного пофрантить, но никакого банта у меня на затылке нет. Ведь я не девочка, а всеми уважаемый и весьма ученый Мурзилка!

— Что за безобразие? — закричал я. — Зачем вы будите меня до зари? Я спать хочу!

Все расхохотались, а доктор Мазь-Перемазь поднес к глазам моим часы.

— Десять часов!

Знатно я заспался!

— Мы собираемся в детский дом, — сказал доктор. — Скорее вставай!

Лилипутики снова затянули:

Умывайся! Одевайся!..

Я не заставил себя долго ждать и через минуту был готов, через две — выпил чаю и через три — надел пальто и цилиндр.

Знайка, оказывается, уже знал, где находится лучший детский дом.

Все мы по вчерашнему способу забрались в трамвай. На этот раз я прихватил с собой щетку и, пристроившись незаметно в уголку вагона, старательно почистился: на подножке вагона было грязно и я замарал свои прекрасные панталоны.

— У кого нет билетов? — спрашивал кондуктор. — Берите билеты! Кто не купит билет, тот заплатит штраф!

Но мы и не думали брать билеты. Мы ловко спрятались среди пассажиров и еле удерживались от смеха. Кондуктор увидел только Карапузика, но принял его за куклу.

Ехали мы долго. Почти целый час. Ужасно большой город — Москва! Наконец, Знайка сделал нам знак, и на ближайшей остановке мы выскочили из трамвая.

Я так торопился, что поскользнулся и шлепнулся в грязь. Хорошо, что у меня была с собой щетка!

Знайка ввел нас в большой красивый дом, окруженный с трех сторон садом.

Мы начали подыматься по широкой лестнице. Наверху раздавался гул детских голосов.

— Как бы там не было драки! — сказал я. — Что, если нас поколотят?

Товарищи засмеялись.

— Не трусь, Мурзилка, — сказал Знайка. — Увидишь, дети встретят нас хорошо.

— Я вовсе не трус, — подумал я. — Я только осторожен. Терпеть не могу драки.

Мы вошли в большую комнату.

Дети стояли у длинных столов и лепили из глины разные фигурки и штучки. Тут были и человечки, и домики, и звери, и птицы.

Ленинский уголок в детском доме.

Увидев нас, дети побросали работу и окружили нас. Через несколько минут мы перезнакомились и стали большими приятелями.

Нам показали просторные светлые спальные комнаты с чистыми постелями, большой зал для игр и гимнастики и столовую, в которой всех нас накормили вкусным завтраком и напоили молоком.

Особенно гордились дети своим красивым Ленинским уголком.

Они собрали здесь множество портретов Ленина, которыми украсили стены. А самые старшие сделали из дерева большую пятиконечную звезду, выкрасили ее в красный цвет и в середину вставили красную электрическую лампочку. Эту звезду они подвесили к потолку вместо фонаря. В уголке стоит и шкаф с книгами. Дети очень любят читать.

— Нам живется здесь очень хорошо, — рассказывал самый старший из детей, Степа. — Все мы сироты и были беспризорными. Жили и спали на улице или где придется, голодали, ходили почти голые. Теперь мы сыты, одеты, обуты, живем в тепле, учимся... Хорошо!...

Мы поняли, что, в самом деле, детские дома — лучший памятник Ленину.

Было уже четыре часа дня, когда мы вышли из детского дома.

— Ну, что ж, — сказал Знайка, — на этот раз мы порядочно побегали по Москве и навидались всяких интересных вещей. Пора в путь! Ведь мы еще вернемся сюда!

— Куда же мы теперь отправимся? — спросил Индеец.

— В Турцию, ко мне на родину, — предложил Турок.

— А, по-моему, в Италию, — завопил Кнопка.

— Предлагаю ехать в Америку, — кричал Индеец.

Поднялся шум и крик. Каждый предлагал свое. Я один молчал.

— А ты куда хочешь ехать, Мурзилка? — спросил Знайка.

Я подумал и отвечал:

— На луну.

Все расхохотались.

— Знаете что? — предложил доктор Мазь-Перемазь. — Поедем сперва в Турцию...

— А затем в Италию...

— А затем в Испанию...

— А затем в Америку...

— А затем в Китай, — заорал Чи-ка-чи.

— А затем в Японию, — завизжал маленький Бирюлька.

Доктор заткнул пальцами уши и закричал:

— Хорошо... Хорошо... Поедем всюду, но по порядку... А раньше всего...

— В Турцию, в Турцию, — закричало большинство.

— Ладно, едем в Турцию, — согласился доктор. — Ну, ребята, на вокзал!

III.

Мы предполагали ехать в Турцию по железной дороге, но в последнюю минуту решили иначе.

И вот почему.

Когда мы подходили к вокзалу, вдруг я первый заметил под облаками какое-то огромное чудовище, которое качалось в воздухе и шипело, точно мельница.

— Эй, братцы, поглядите-ка на небо! — воскликнул я.

Все, как один человек, подняли головы к небу. Многие от удивления рты разинули.

— Ах, это воздушный корабль! — воскликнул Знайка.

— Ты хотел сказать: воздушный шар? — заметил Скок.

— Нет, нет, именно корабль или, как его иначе называют, дирижабль, — возразил Знайка.

— Воздушный шар, воздушный корабль или дирижабль — не все ли равно? — вмешался Матросик.

— Совсем не все равно, — объяснил Знайка. — Дирижабль это такой воздушный корабль, который летит туда, куда хотят сидящие в его лодке, т. е. его можно направлять куда угодно; а простой воздушный шар летит туда, куда его понесет ветер.

В то время, когда происходил этот разговор, воздушный корабль приближался все больше и больше, так что мы легко могли его рассмотреть.

Корабль состоял из длинной корзины, впереди которой находился руль. Корзина была прикреплена на веревках к странному шару, имевшему форму длинной сигары, по бокам которой находились два быстро вращавшихся колеса. С лодки была спущена вниз на землю веревка.

— Братцы, взберемся по этой веревке на шар и полетим по воздуху! — предложил Ма-

тросик и, не дождавшись ответа, схватился с ловкостью настоящего матроса за веревку и стал по ней взбираться наверх.

Его примеру последовали и другие, кто как умел. Вскоре все мы уже сидели: кто в корзине, кто на длинной сигаре, кто на веревках, соединявших ее с сигарой.

Знайка, тщательно осмотрев корзину, заметил, что там находится движущая машина, мотор, и пустил его в ход.

Корабль взвился высоко-высоко и, сделав крутой поворот, полетел туда, куда его направил Знайка.

Я поместился у самого борта корзины-

Мы сидели на веревках...

лодки и смотрел сквозь мое стеклышко на птиц, летавших вокруг нашего воздушного корабля и очевидно очень удивлявшихся странным путешественникам.

Летели мы долго, несколько часов. Под нами видны были города, села, деревни, поля, луга, леса, озера, реки.

— Вот это город Харьков... А это Полтава... А это Зиновьевск... Скоро будет Одесса... А там Черное море... Оттуда до Турции рукой подать, — раздавались объяснения Знайки, который так хорошо знал путь, что сразу узнавал все местности.

Но вот перед нами показалось Черное море.

В это же самое время Знайка заметил, что в моторе что-то испортилось, и понял, что нам придется спуститься в море.

— Но ведь мы же все утонем! — испуганно воскликнул Треуголка.

— Нет, не бойтесь. Эта корзина-лодка так устроена, что она будет держаться на воде, и мы как-нибудь доберемся на ней до берега, а то, быть-может, попадется на пути пароход, который заберет нас всех.

Между тем, мы спускались все ниже и ниже к морю.

— Глядите, глядите, какие страшные рыбы тут в воде! — воскликнул Турок.

Я повис на веревке, прикрепленной к лодке-корзине...

— Это акулы, — сказал Рикки, — они очевидно думают, что им достанется хорошая добыча, как только мы спустимся на воду.

— Я полагаю, что не особенно приятно быть съеденным акулою, — заметил Карпузик.

В это время сильным порывом ветра качнуло наш корабль так, что несколько из нас вылетели из лодки-корзины и едва удержались кто за борт, кто за руль.

В числе тех, которых ветер вытолкнул из лодки, был и я, Мурзилка.

К счастью, я повис на веревке, прикрепленной к лодке-корзине, и, благодаря этому, не упал в воду.

— Ай-ай! кричал я. — Меня чуть не съела акула.

— Успокойся, Мурзилка, — заметил хладнокровно Матросик. — Акулы в Черном море не водятся. Рикки просто по глупости сболтнул о них. Это дельфины. Они тебя не съели бы, поверь мне.

Знайка, между тем, заметил опасность, сделал какой-то поворот в моторе, и наш корабль опять поднялся.

Через три минуты мы уже благополучно спустились на берег, около Одессы.

Пешком мы добрались до пристани, около которой стоял большой пароход.

Знайка исчез куда-то и через несколько

минут прибежал обратно, запыхавшийся и взволнованный.

— Этот пароход, — закричал он, — через пять минут уходит в Константинополь. Садитесь!

Вмиг мы кинулись по сходям на пароход и рассеялись в толпе пассажиров.

Вскоре раздался гудок, и пароход плавно отошел от берега.

IV.

Большой морской пароход мчал нас к берегам Турции.

— Тук-тук-тук! — раздалось через день утром у дверей нашей каюты.

— Тук-тук-тук!

— Что? Что за шум? Кто стучит? — повскакали и переполошились мы.

— Тук-тук-тук! — раздалось еще сильнее в третий раз, и дверь с шумом распахнулась.

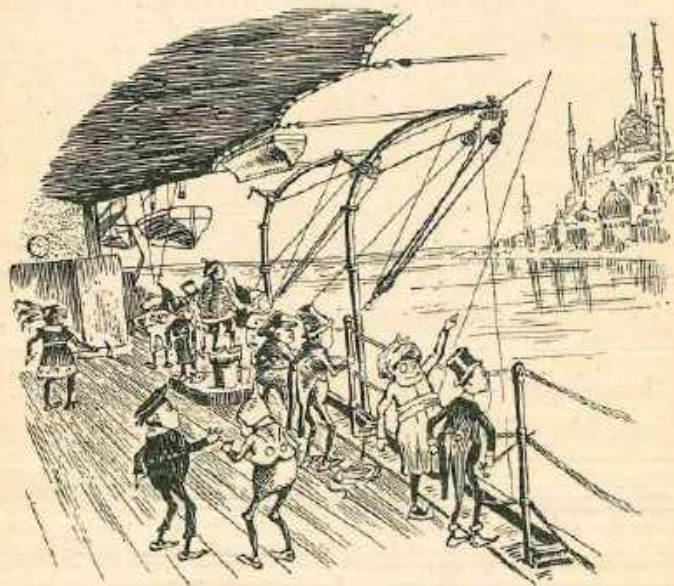
— Селям-aleyкум! Рахат-лукум!

Перед нами появились два турка. Один был наш приятель Турок, а другой... Сразу мы не могли узнать, кто это такой!

— Селям-aleyкум! Рахат-лукум! — заговорили снова оба турка и как-то церемонно стали раскланиваться.

Мы повскакали со своих мест и принялись их рассматривать.

— Ба! Да это Знайка нарядился так! — вскричал вдруг Бородач. — Турецкий костюм

— Как красиво!..

и красная феска так изменили его, что и не узнать!

— Селям-aleyкум! — заговорили снова турки.

— Что это вы говорите?

— Это приветствие на турецком языке, — объяснил Знайка. — С приездом вас! Мы в Константинополе, в самом большом городе Турции.

— Как? Уже? Скорее, братцы, на палубу!

Мы живо выбрались из каюты, выбежали на палубу и... замерли на месте: открывавшийся с парохода вид на Константинополь был необыкновенно хорош.

— Как красиво! Смотрите, что за великолепные здания! Дворцы, должно быть! — заговорили все сразу.

— Да, это все дворцы, — принялся объяснять нам Турок, — а вот эти башенки с полумесяцами на верхушках — это мечети или турецкие храмы.

— Скорее, ребята, идемте в город! — предложил доктор Мазь-Перемазь.

— Идем!

Мы сошли с парохода и зашагали по улицам Константинополя.

Сперва мы очутились в европейской части Константинополя.

Здесь, как во всяком большом городе, огромные дома, хорошие мостовые, большие красивые магазины.

На каждом шагу мы слышали английскую или французскую речь.

— Однако, — заметил Чумилка, — как много здесь европейцев! Не верится даже, что мы в Турции.

— Это что еще! — ответил Знайка. — Теперь англичане и французы держат себя поскромнее. А вот несколько лет тому назад, во время войны, когда они взяли Кон-

Мы зашагали по улицам...

стантинополь, они устроились тут совсем хозяевами. Да так хозяйничали, так обращались с турками, что те их возненавидели.

— А теперь они тоже хозяева? — спросил Бирюлька.

— Нет, — отвечал Знайка. — Весь турецкий народ поднялся защищать свою свободу. Когда англичане и французы увидели, что дело плохо, они поспешили вернуть Константинополь туркам и помириться с

ними. Однако, турки и теперь не очень-то доверяют европейцам и боятся новой войны. Поэтому они и столицу свою перенесли подальше, в свои азиатские владения.

— А как же называется их нынешняя столица?

— Ангора.

Слушая интересные объяснения Знайки, мы дошли до турецкой части Константинополя. Здесь нам очень понравилось.

Старые узкие улицы полны были народом. Женщины ходили, завесив лицо повязками и оставив открытыми только глаза. Мужчины обычно одеты были по-европейски, но на голове носили красную феску с черной кисточкой. Впрочем, некоторые из них были одеты в широкие шаровары и опоясаны красивыми шарфами. На порогах лавок сидели важные, спокойные купцы и курили папиросы или трубки.

На базаре было множество народу и шум стоял ужасный.

Наше внимание привлекло в особенности лавки, в которых продавали восточные сладости.

Мы накупили рахат-лукума, халвы, шербета и усердно ими угощались. Наш Ту-

рок до того увлекся всеми этими вкусными вещами, что переусердствовал и объелся.

Он остановился посреди улицы, взялся руками за живот и начал жалобно стонать.

— Что с тобой, Турок?— испугались мы.

— Ох, ох, — плакался он, — халва с шербетом в животе подралась. Ох, как больно!

Мы все подняли его на смех, а доктор Мазь-Перемазь достал из своей аптечки две пилюльки и велел Турку их проглотить. Через несколько минут Турок повеселел: боль исчезла.

Мы пошли дальше.

— Что это там за огромное здание с куполами и башнями?— спросил Индеец.

— А! Это лучшая мечеть Константинополя, — отвечал Знайка, — называется она Айя-София. Она замечательно красива. Пойдемте осмотреть ее.

Мы направились к мечети и только готовы были войти в нее, как Турок остановил нас и предупредил:

— Вы должны знать, товарищи, что в Турции есть обычай не входить в мечеть в обуви.

В самом деле, мы увидели, что все входившие снимали свои сапоги и брали у сто-

рожей особые туфли без пят, в которых и входили внутрь мечети.

Мы подошли к месту, где были сложены туфли, и стали выбирать самые маленькие. Однако, увы! Сколько мы ни старались, все туфли были так велики, что в них нельзя было ступить ни шагу: ежеминутно они падали с ног. Кое-как мы все-таки надели их и зашлепали дальше. Как трудно были идти! Ноги скользили, туфли падали...

Сначала я смотрел только на свои туфли и потому совсем почти не видел ничего кругом. Наконец, это мне надоело. Я храбро двинулся вперед.

Что за чудесное здание!

Я внимательно глядел кругом, стараясь не пропустить ни одной мелочи. Я подходил к стенам, дотрагивался до колонн, поднимал голову вверх.

Вдруг, слышу:

— Мурзилка... ха-ха-ха!

— Мурзилка, туфли... ха-ха-ха!

Кругом меня все сдержанно смеялись.

— Тсс... тише! — останавливал Турок строго.

— Туфли... ха-ха-ха! Мурзилка! — не унимались товарищи.

Я с недоумением посмотрел на свои ноги и... остановился на месте: я был в одних чулках, мои туфли остались где-то далеко позади меня. Кругом все хохотали. Смущенно отыскал я свои туфли и зашлепал к выходу. Мне казалось, что не только мои товарищи, но и все турки, бывшие в мечети, заметили, что случилось с моими туфлями, и сдержанно улыбались.

Когда мы вышли из мечети, нас поразила одна из башен ее.

— Ого! Какая тут высокая башня! — заметил Тузилка, закидывая вверх голову.

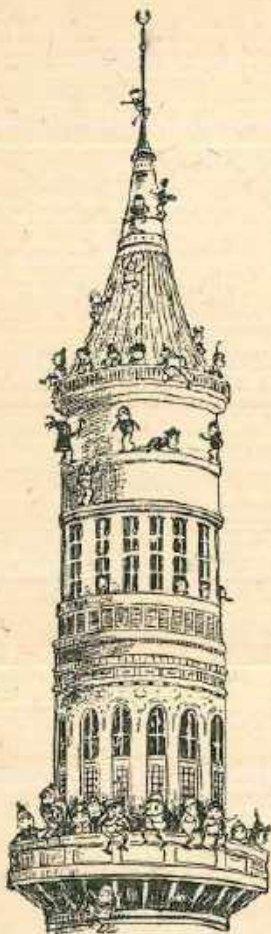
— Не забраться ли нам на нее? — предложил Скок. — Оттуда, наверно, все отлично видно.

— Что же! Полезем!

Через несколько минут мы были уже на башне, облепив ее со всех сторон, как мухи.

Матросик хотел забраться как можно выше, и успокоился только тогда, когда добрался до золотого полумесяца на самой верхушке и торжественно уселся на нем.

— Идемте теперь на набережную! — предложил Знайка. — Мне хочется провести вас хоть в один из дворцов...

Мы были на башне, облепив ее со всех сторон, как мухи...

— Вот тут, братцы,— заговорил он, когда мы очутились перед высокой каменной стеной,— тут жил когда-то турецкий государь или султан. Теперь султанов уже нет. Турки прогнали их, как русские прогнали своих царей. Интересно знать, кто может жить теперь в этом дворце. А может быть здесь музей или детский дом? Поглядим-ка! Прежде всего перелезем через эту стену.

С большим трудом, один за другим, подавая друг другу руки, мы взобрались на стену.

— Теперь сюда!

Мы миновали густой, довольно запущенный сад и очутились перед дворцом. Это было очень красивое здание со мно-

жеством башенок, каких-то маленьких окошек, странных переходов.

— Сначала,— предложил Турок,— мы попробуем забраться на самый верх, чтобы полюбоваться открывающимся оттуда видом.

— Хорошо! Отлично! Заберемся!— согласились мы и начали взбираться.

Вид, открывшийся сверху, вознаграждал нас за все наши усилия.

Перед нами расстилось голубое море, усеянное множеством разных судов. Позади виднелся пестрый город, утопавший в зелени садов.

Мы долго сидели на крыше.

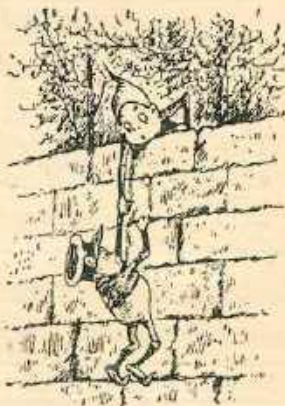
— Друзья! Скорее сюда! — кричал вдруг Матросик.

Он, Пуговица и Скок стояли около маленького круглого окошечка, выходившего на крышу.

Мы поспешили на зов.

— Смотрите! Какая там роскошь!

В самом деле, комната была необычно-

Мы взобрались на стену...

венно роскошно убрана. Всюду пестрые с золотом ткани, восточные ковры, точеные низенькие столики, круглые, мягкие подушки.

— Не забраться ли нам внутрь? — предложил я. — Никого не видно. Мы ничем не рискуем.

— Что же! Полезем!

Мы долго сидели на крыше.

Мы рассыпались по комнате и стали все рассматривать.

— Обратите внимание на этот прибор, — заговорил Турок, указывая на какой-то

странный предмет, не то графин, не то кувшин. — Это кальян — прибор для курения табаку. Турки очень любят курить при посредстве кальяна, в котором дым предварительно проходит через воду.

— Это интересно! Не попробовать ли нам покурить! — предложил Пуговица.

— Что ты выдумал? Курить очень вредно! — сказал Дедко-Бородач.

— Лучше уйдем отсюда! — поддержал его Мазь-Перемазь, боязливо оглядываясь.

— Нет! Нет! Надо покурить! — заговорил китаец Чи-ка-чи. — Кто хочет со мной?

— Я! — сказал Турок.

— Я! — подхватил Пуговица.

— И меня возьмите! — заявил я.

Турок привел в порядок прибор, закурил табак и, рассадив нас на мягких подушках, которые турками употребляются вместо стульев, роздал нам трубки.

— Вот покурим! — сказал я, и с наслаждением втянул в себя дым.

Матросик, Пуговица и Скок стояли около круглого окошечка...

— Брр... Кха-кха-кха! Что за ужас!
Я чуть не задохнулся. Нос, рот, горло—
все захватило от дыму. Мне сразу сделалось
худо. Я вскочил с места и побежал к окну.

Другие курившие выдержали немного
дольше меня; им тоже от табаку сделалось
так худо, что они едва выбрались из ком-
наты.

Я вскочил с места...

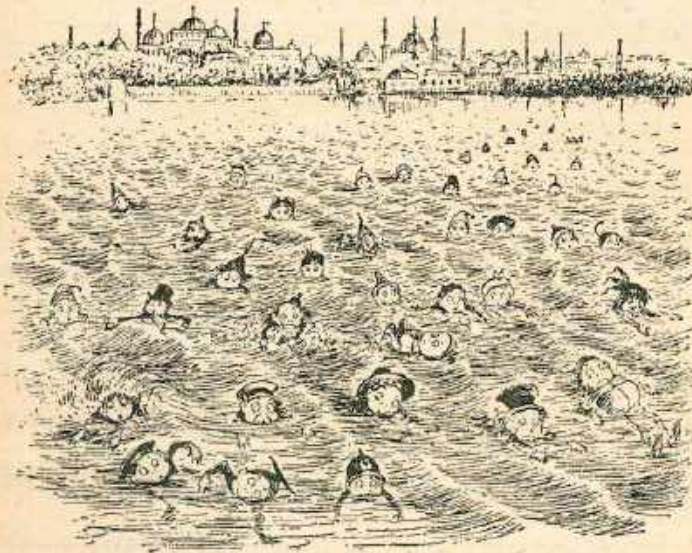
— Ну, что, покурили? — смеялись над
нами остальные.

— Нет, уж, ну его—этот табак! — мрачно
ответил я. — Больше никогда в жизни не
буду курить.

Тем же путем, как и прежде, мы спусти-
лись в сад, подошли к стене и уже хотели
перебраться через нее, как к нам подбе-

жал Скок, шедший впереди всех, и испу-
ганно проговорил:

— Мы погибли! Весь дворец в тревоге.
Кругом вооруженные сторожа! Вероятно,
они заметили нас!

Мы бросились в море...

— Скорее, спасайтесь!
Со стены дворца загремел, между тем,
выстрел.

Мы бросились бежать, но куда?

Кругом перед нами была высокая стена,
а за ней море.

Не долго думая, мы перебрались через стену и бросились в море.

Как мы все не утонули, просто удивительно. На наше счастье скоро нас подобрал итальянский корабль, нагруженный товарами, который, как мы узнали, возвращался обратно в Италию.

На корабле, кроме капитана и матросов, не было больше никого, и мы отлично разместились в большой каюте.

V.

— Ура! Приехали! Стоп! Поздравляю, товарищи! — заговорил Знайка, когда наш пароход подошел к берегу.

— Ура! Ура! — закричали мы разом и выбежали на палубу.

— Где мы? — спросил Дедко-Бородач.

— В Италии, — уверенно ответил Знайка.

— А где именно?

— Не знаю! Вот посмотрим!

Мы быстро зашагали к городу, который был расположен на горе.

— С чего же мы начнем наше первое знакомство с Италией? — спросил Скок.

— Нужно бы раздобыть географическую карту и путеводитель по Италии, — заметил

Чи-ка-чи, много путешествовавший в своей жизни.

— К чему карта? Я все знаю и без карты, — обиделся Знайка.

Однако, большинство решило все-таки приобрести карту.

Знайка надулся, но промолчал.

Попав в город, который оказался большим, разбросанным и очень грязным, мы долго напрасно искали книжного магазина. Наконец, совершенно случайно мы очутились перед зданием какой-то школы.

— Превосходная мысль! — воскликнул вдруг Скок, ударяя себя по лбу.

— В чем дело?

— Здесь мы достанем любую карту! — заговорил снова Скок.

— Где? — удивился я.

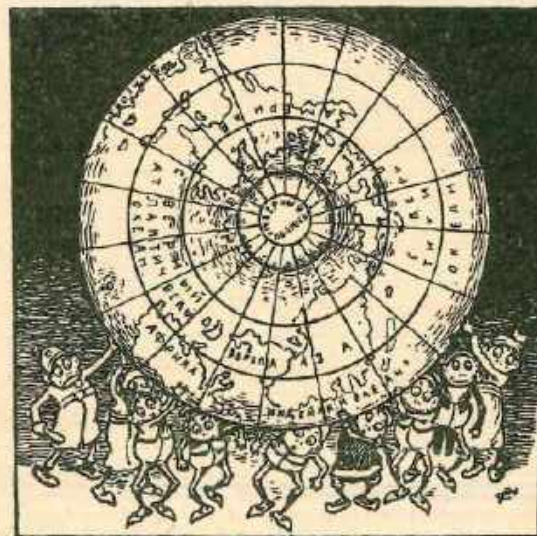
— В школе! Наверно, там много каких-то карт.

— Молодец Скок! — похвалил доктор Мазь-Перемазь. — Где же и быть картам, как не в школе!

Живее туда!

Через пять минут мы были уже в пустых классах школы. Было очень рано, и ученики еще не сошлись. Ничего не было легче, как

отыскать карты. Но их оказалось очень много! Какую же из них взять? Ведь мы собирались совершить чуть ли не кругосветное путешествие. Не все же карты тащить! Это слишком много!

Мы подхватили глобус на плечи...

— А это что за штука? — спросил вдруг Треуголка, указывая на какой-то большой пестрый стеклянный шар.

— Это глобус, изображающий земной шар! — объяснил Знайка. — Да чего же лучше! — воскликнул он вдруг. — Вместо карт

возьмем глобус. Тут вся земля будет перед нами.

— Отлично! Браво, Знайка! Умница! — закричали все.

Всей толпой мы окружили глобус и подхватили его на плечи.

— А на чем же его ставят? — спросил я. — Ведь так он не будет держаться.

— А вот на этой подставке-треножнике.

— Бери, ребята и подставку!

Заячья Губа, Скок, Матросик и Пуговица схватили подставку и шествие двинулось.

Когда ты тащили глобус к выходу, кто-то вдруг споткнулся о порог. Толчок передался другим. Кто-то свалился. За ним упало еще несколько малюток. Глобус дрогнул и... разбился. Раздался звон стекла, испуганные крики, стоны... Оказалось, что у многих были ранены головы, а Скоку осколком стекла поранило даже глаз.

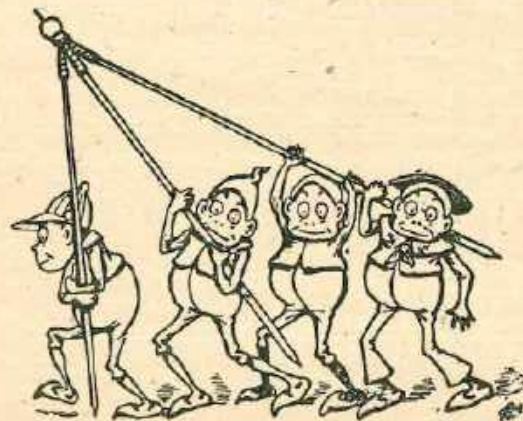
— Доктор, скорей на помощь! Ай-ай-ой! Больно.

— Доктор, помогите! — раздавалось со всех сторон.

Доктор Мазь-Перемазь метался от одного раненого к другому, не зная, кому первому подать помощь.

Наконец, все пострадавшие были усажены на одну скамейку. Их было пятеро. Мазь-Перемазь осмотрел раны и сказал:

— Пустяки! Легкие царапины! Сейчас я перевяжу их. Помогите-ка мне кто-нибудь!

— Бери, ребята, и подставку...

Дедко-Бородач и Индеец вызвались помогать.

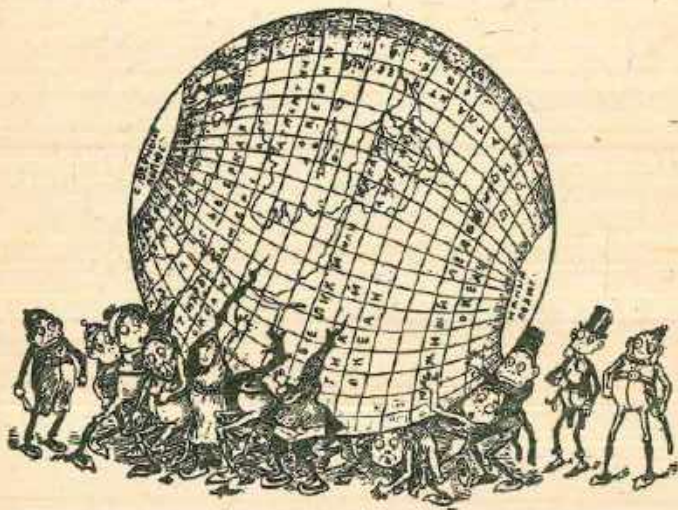
Доктор порывлся в своей походной аптечке и, достав оттуда несколько склянок с лекарством, быстро принялся за дело.

Дедко-Бородач и Индеец усердно помогали ему. Скоро все раны были перевязаны, и мы могли двинуться дальше.

Вдруг Треуголка выглянул в окно.

— Ай, какой дождь на дворе! — воскликнул он.

— Что делать? Ведь у нас нет ни га-лош, ни зонтиков! Придется ждать! — сказал я. — Не портить же под дождем платья!

Глобус дрогнул и разбился...

— Ну, вот еще, что выдумал — ждать! — возразил Карапузик.

— Что сделается нашим костюмам?

— Однако, идти под дождем неприятно! — поддерживали меня некоторые.

Другие были за то, чтобы идти дальше, несмотря на дождь.

— Неужели ни у кого нет зонта? — говорил Тузилка.

— Не можете же вы все спрятаться под моим зонтиком! — сказал Фунтик, никогда

Дедко-Бородач и Индейцы усердно помогали ему...

не расстававшийся со своими галошами и огромным дождевым зонтом.

— Ничего, мы не сахарные, не растаем, — задорно крикнул Эскимосик. — Вперед!

И все со смехом побежали под дождем. Хотя и жаль мне было моего фрака и цилиндра, но ничего не оставалось делать, и я быстро зашагал вперед.

Вдруг передо мною вырос высокий де-

ревянный забор. Вправо и влево тянулся он, совершенно заграждая дорогу.

— Куда же идти?

Я минуту подумал и... вскочил на него. За забором тянулись деревянные мостки, устроенные над канавой.

Я расправил фалды своего фрака, поправил стеклышко и цилиндр, нацелился, но... трах-трах-крак... мостки подломились, и я очутился в канаве.

— Караул... спасите... помогите! — закричал я благим матом.

К счастью, в эту минуту все лилипутики были уже у забора и во-время успели мне помочь.

Матросик подбежал ко мне и схватил меня за руки. Я отделался только испугом и тем, что испортил свой костюм.

Еще не успел я вылезть из канавы, как споткнулся Дедко-Бородач и растянулся в самую грязь.

Оправившись от испуга, почистившись, насколько было возможно, мы решили двинуться дальше. Однако, наши костюмы были в таком отчаянном виде, что путешествовать в них по городу было решительно невозможно.

Огорченные, усталые, грязные и голодные, мы решили пробраться к вокзалу, чтобы поехать в более интересное место, чем этот грязный город.

Матросик подбежал ко мне и схватил меня за руки...

Однако, план наш скоро изменился.

Идя берегом моря, мы услышали вдруг разговор двух рыбаков, из которого поняли,

что они сегодня же со своей лодкой отправляются морем на базар в Венецию.

— В Венецию! — воскликнул Знайка. — Вот чудесно! Я и не знал, что мы так близко от этого удивительного города! Это совсем необыкновенный город! — продолжал Знайка.

— А чем он замечателен? — спросил я.

— Сами увидите! — лукаво ответил Знайка.

Незаметно для рыбаков мы ловко, один за другим, вскочили в их лодку, спрятались на ее дне и стали ждать.

Ожидать пришлось недолго. Скоро мы двинулись в путь.

Что за чудная это была прогулка по морю!

Небо — чистое, темносинее, бездонное; море — тихое-тихое, голубое, как бирюза!

Мы не переставали хвалить итальянское небо и море и восхищаться поездкой. Но наш восторг увеличился еще более, когда мы подъехали к городу и повернули на лодке в одну из его улиц. Оказалось, что Венеция совсем не обыкновенный город: там всюду вместо улиц — каналы, а вместо экипажей — лодки.

Полные изумления и восторга, забыв и об усталости и о голоде, смотрели мы вокруг себя.

По темным узким каналам, окруженным великолепными старинными домами и дворцами, скользили большие узкие венецианские лодки... Всюду слышался приятный итальянский говор, оживленный смех, даже песни. Повидимому, итальянцы очень живой, веселый народ.

— Как только наша лодка причалит, — сказал Знайка, — мы сойдем с нее, возьмем гондолу и прокатимся по лучшим каналам Венеции.

— Что такое гондола? — спросил Скок.

— А это лодки, заменяющие тут экипажи. Они черные, узкие и имеют маленькую каюту, чтобы можно было спрятаться от жаркого солнца. Вот посмотрите!

Мимо нас во всех направлениях сновади гондолы.

Рыбаки довели нас до большой площади, где происходят базары, и мы там так же незаметно покинули их лодку, как и влезли в нее.

— Знаете что? — заговорил доктор Мазь-Перемазь, — я предлагаю теперь, прежде чем

кататься в гондоле, пойти куда-нибудь пообедать, а потом уж и гулять.

Все единодушно приняли его предложение и направились в ближайшую же гостиницу.

После обеда, состоявшего, главным об-

Около шарманки стоял проказник Вертушка...

разом, из разной рыбы, излюбленных итальянских макарон и фруктов, мы решили немного отдохнуть.

Мне казалось, что я спал не более получаса, как вдруг услышал над самым своим ухом громкие звуки шарманки.

Недоумевая, вскочил я с постели, — и что же?

Проказник Вертушка стоял в комнате около шарманки и отчаянно крутил ее ручку. Хриплая, старая шарманка заунывно играла какую-то старинную итальянскую песенку. Сверху ящика, привязанная цепочкой, танцевала тощая, маленькая обезьяна.

Все лилипутики, разбуженные и испуганные музыкой, недоумевающе протирали глаза.

— Вертушка, что это тебе вздумалось? — зевая заговорил Чумилка-Ведун. — Только спать помешал! Не мешай!

Но Вертушка, смеясь и кривлясь, еще живее завертел ручку шарманки и громко запел:

Вставайте, сони,
Полно спать!
Пойдемте лучше погулять!
Погулять!

Смотрите-ка
Скорей в окно:
Гондола ждет нас
Всех давно.

— Тсс... тише, тише, Вертушка! — закричал Тузилка, вбегая в комнату. — Наши соседи сердятся на шум, еще жаловаться будут.

Пойдемте лучше
Погуля-яты!..

пел, между тем, не унимаясь, Вертушка.

— А ведь и правда, нас ждет гондола! — проговорил Дедко-Бородач, поглядев в окно.

Мы выглянули на улицу. Около гондолы на мостике стоял Матросик с большим веслом в руках.

Мы живо оделись и выскочили на улицу.

Гондола оказалась небольшой, и мы с трудом в ней поместились.

Около двух часов катались мы по каналам Венеции, любуясь роскошными старинными постройками, удивительно красивыми мостами и пестрой суетой на каналах.

Особенно нам понравился знаменитый большой дворец, который, как объяснил Знайка, называется «Дворец Дожей». Дожами в старину назывались правители Венеции. В этом дворце они жили, решали городские дела, принимали посетителей и иностранных послов. Самые замечательные итальянские художники украсили потолки и стены этого дворца своими картинами.

— Воображаю, как красива Венеция вечером, когда всюду сверкают югни, — заговорил Матросик, бывший нашим гондольером, т. е. управлявший гондолой. — Представьте себе всюду разноцветные фонарики, таинственный полумрак, гладкие воды каналов и...

Он не успел окончить, как раздался треск и отчаянные крики: — «Тонем, тонем!»

Матросик так увлекся, что не заметил, как гондола налетела на каменный мост. От

толчка она сильно накренилась и, зачерпнув воды, стала тонуть.

Гондола налетела на каменный мост...

Мы все очутились в воде, выбиваясь из сил, чтоб добраться до берега.

К счастью, никто не утонул.

Эта неудачная поездка в гондоле нас так

испугала, что все удовольствие от Венеции и наш прежний восторг пропали.

Я первый заговорил об отезде отсюда.

— Что это за город, где каждую минуту можно, совершенно помимо желания, выкупаться? — говорил я.

— Если жаркая погода, это даже приятно! — смеясь, возразил мне Треуголка.

— Нет, уж увольте от этого! Я предпочитаю купаться в открытом море и без фрака! — говорил я.

— Ах, ты франт! Фрака жалеешь!

— Да и струсил к тому же! — заговорили товарищи на мой счет.

Но, на самом деле, они все тогда струсили не менее моего. Как бы там ни было, а через час мы стали уже укладываться и на другое же утро двинулись на вокзал, чтобы поездом поехать в Рим.

VI.

Быстро мчал нас поезд по дороге в Рим — столицу Италии.

На остановках мы часто выходили из вагона и прогуливались по платформе.

На одной из станций наш поезд стоял почему-то особенно долго.

Сначала мы весело прогуливались вдоль платформы, а потом долгая стоянка нас стала беспокоить.

— Так мы никогда не доедем до Рима, — жаловался Скок.

— А почему мы стоим? — спросил Дедко-Бородач доктора Мазь-Перемазь.

Но тот не знал.

— Вот идет Знайка с Матросиком, — заметил доктор, — спросим их.

Однако, Знайка с Матросиком тоже не знали.

— Впрочем, — ответил Знайка, — вероятно, что-нибудь испортилось в машине.

— Пойдем, — обратился он к Матросику, — узнаем.

— Пойдем, — обратился он к Матросику.

— И я с вами пойду, — сказал я.

— И я!

— И я тоже!

— Возьмите и меня!

Все хотели знать, что случилось с машиной.

Целой компанией двинулись мы к паровозу.

Знайка, знавший решительно все на свете, смело выступил вперед и начал производить осмотр паровоза: всюду заглядывал, открывал и закрывал разные клапаны, вертел винты.

— Ну, вот и починил им машину! — говорил он, наконец, — теперь только подбросить угля в печь, и тогда все в исправности.

И он стал бросать уголь.

— А это не опасно? — спросил я.

— Что?

— Бросать уголь?

— Конечно, нет! Нисколько.

— Так и я тебе помогу!

Я осторожно поднял кверху рукава своего фрака, чтобы их не испачкать, и принялся бросать уголь.

Другие тоже последовали моему примеру.

Скоро печь была полна угля.

Огонь весело трещал. Искры далеко летели во все стороны.

— Смотри, Знайка, как бы не наделать нам беды! — предостерегающе заметил Бородач. — Разведем пары, раскалим печь, еще котел разорвет...

— Не беспокойтесь, я отлично знаю все... Впрочем, довольно угля.

— Последний раз брошу! — отозвался я, подходя к самой печи.

Вдруг оттуда с треском вылетел целый сноп искр. Мне чуть не опалило все лицо. С криком я отскочил в сторону.

— Вот видишь! — укоризненно покачал головой Дедко-Бородач. — Отойдемте-ка отсюда! — осторожно продолжал он, прислушиваясь к какому-то необыкновенному шуму внутри паровоза.

Мы двинулись вдоль платформы. Но не прошли и шагов десяти, как я почувствовал, что мне сильно жжет голову; в то же время запахло гарью.

— Ай-ай-ай, горю! — закричал я, хватаясь за голову.

— У Мурзилки цилиндр горит! — закричал Заячья-Губа, смешно расставляя свои коротенькие руки и вытаращив глаза.

— Долой цилиндр, скорее! — подскочив ко мне, крикнул Скок и ловко сбросил с меня шляпу.

Бедный мой цилиндр! От него столбом валил дым. Очевидно, он загорелся от искры.

— Братцы, спасайте мою шляпу! Пожар! — кричал я, прыгая вокруг злополучного цилиндра.

Все растерялись и стояли, не двигаясь с места.

Только я один бегал вокруг цилиндра и, что было силы, дул на него.

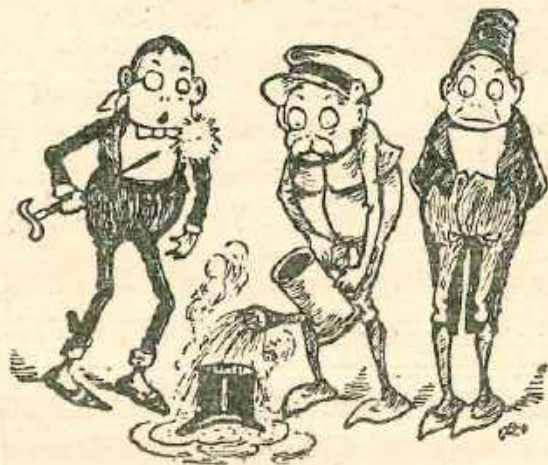
— Мурзилка, ведь ты еще хуже только раздуваешь огонь! Перестань дуть! — закричал мне Дедко-Бородач.

Заячья-Губа расставил свои руки...

— Мой цилиндр! Мой цилиндр! — сто-
нал я.

Откуда-то в это время выскочил Карапузик с лейкой в руках. Одним движением

Он опрокинул лейку на шляпу...

руки опрокинул он лейку на шляпу и моментально прекратил огонь.

— Молодец, Карапузик! — похвалил Бородач.

Я поднял свою шляпу. В каком ужасном виде она была! Вся намокла, сморщилась, дно прогорело.

Я чуть не плакал.

— Ничего, — утешал меня Треуголка, — была бы голова на плечах, а шляпа...

Он не договорил. Из паровоза раздалось какое-то клочкотание, шипение, шум и, к нашему удивлению, он быстро покатил вдоль рельс.

— Поезд ушел без нас! Надо бежать вдогонку за ним! — кричал Скок.

— Скорее! Скорее! Догоняйте! — кричали другие.

Но догнать паровоз мы, конечно, не могли.

— Как это так вышло? — недоумевал доктор Мазь-Перемазь, а с ним вместе Дедко-Бородач, Треуголка и многие другие.

Машинисты, кочегары, вся поездная прислуга, начальник станции, словом, все тоже недоумевали, каким образом паровоз, отцепленный от всего поезда, холодный, без машиниста, мог укатить совсем один.

Это знал только Знайка, вертевший и открывавший все клапаны и винты и разводивший пары.

— Вот и жди теперь следующего поезда! — ворчал Дедко-Бородач.

Впрочем, ждать нам пришлось не очень долго.

Скоро подан был новый паровоз, и мы сели в вагон.

Дорогой Знайка рассказывал нам о Риме.

— Рим — большой город? — спросил кто-то из товарищей.

— Да, очень большой, — ответил Знайка, — ведь это столица Италии. В древние времена это был главный город самого могущественного государства — Римского. Тогда Рим считался первым городом во всем мире.

Незаметно, за разговорами, мы подъехали и к Риму.

— Куда же мы пойдем прежде всего? — спросил Скок, когда шумной толпой мы все вышли из вагона.

— Прежде всего мы пойдем, — сказал я, — в шляпный магазин...

— Ха-ха-ха! — расхохотался Скок. — Зачем тебе?

— Не могу же я ходить в прожженном насквозь цилиндре!

— Ох, уж этот Мурзилка-франт! — качал головой Дедко-Бородач.

— На затылке синий бант! — пропел Матросик.

— Поезд ушел без нас! — кричал Скок...

Я хотел было обидеться, но раздумал.

— Ну, что-ж? Где-нибудь по дороге зайдем, купим! — согласился Знайка. — А пока пройдемся просто по улицам Рима, чтобы лучше с ним познакомиться.

Мы двинулись.

Рим оказался очень красивым городом с массой прекрасных зданий, мраморных памятников, роскошных дворцов.

По дороге я зашел в магазин, купил себе цилиндр, потом зашел в парикмахерскую, чтобы привести в порядок свою прическу.

Когда я вышел оттуда, выбритый, причесанный, надушенный, в новом блестящем цилиндре — все ахнули, так я эффектно выглядел.

— Ну, теперь я готов идти куда угодно, — сказал я. — Кстати, что это за церковь?

Мы проходили по большой площади, на которой гордо высилась какая-то большая церковь, удивительно красивая.

— Это одна из достопримечательностей Рима, — ответил Знайка, — собор Петра.

— Надоело мне по церквам ходить, — заговорил Скок, — не взобраться ли нам лучше на верх? Наверно, оттуда чудесно виден весь Рим.

— Еще бы! Какая высота! — промолвил Карапузик, закидывая назад свою большую голову.

— Давайте, взберемся туда!

— Отлично!

Мы начали взбираться. Сначала добрались до купола.

— Как же дальше? Крыша купола такая скользкая, по ней не взберешься! — сказал я.

— Пустяки! — ответил Матросик. — Я взберусь куда угодно! — И он с ловкостью истого матроса полез на крышу. Скоро он сидел уже на карнизе одного из маленьких окошечек и весело махал нам оттуда своей матросской шапочкой.

— Теперь ползайте сюда вы! Вот вам веревка!

Он спустил веревку, случайно оказавшуюся у него в кармане, и помог нам подняться вверх. С помощью той же веревки скоро мы все были наверху собора, облепив его со всех сторон, как мухи.

Под нами внизу на нескольких холмах красиво раскинулся Рим. Он весь был тут на виду.

Я эффектно выглядел...

— А что это за стены, вот там на склоне холма? — спросил Дедко-Бородач, указывая на развалины каких-то огромных стен, расположенных амфитеатром.

— Это Колизей — древний цирк. Тут когда-то устраивались игры, состязания, звериные травли. Нередко тут выпускали людей бороться с дикими зверями — львами, тиграми...

— Ах, как это интересно! Пойдемте скорее туда! — предложил Скок.

— Пойдем, пойдем! — заговорили другие.

Быстро спустившись с крыши собора, мы направились рассматривать развалины Колизея.

Время сильно разрушило цирк. Все стены его были в трещинах, полуразрушенные; огромные мраморные ступени, ведущие к арене, развалились, стерлись, из щелей проглядывал зеленый мох и стебли травы. И все-таки, несмотря на это, Колизей был удивительно красив и величествен.

Мы разбрелись во все стороны.

Я как-то побаивался идти в Колизей. Мне было жутко при мысли, что тут происходила борьба между людьми и львами.

— Ты, кажется, трусишь? — спросил меня Индеец.

— Нет, не боюсь, а все-таки, вдруг тут спрятался где-нибудь лев или тигр...

— Ха-ха-ха! Вот чудак! Ведь все было тысячу лет тому назад...

Мы разбрелись во все стороны...

— Ах, так давно! Что же он не сказал? Я смело двинулся вперед, но... тотчас попятился: в одной из трещин что-то зашуршало, завозилось, застонало.

— Ай-ай-ай! Тигр душит кого-то! — закричал я, бросаясь прочь.

Многие бросились за мной.

— Ай-ай! звери! — кричал я.

В это время в трещине шум и возня усилились еще больше.

Закрыв глаза и зажав уши, я без оглядки пустился бежать к выходу и бежал до тех пор, пока не натолкнулся на что-то. В страхе открыв глаза, я увидел перед собой китайца Чи-ка-чи.

— Что с тобой? — спросил Чи-ка-чи.

— Что с тобой? — спросил Чи-ка-чи, широко раскрыв свои узкие глазки.

— Тигр!... лев!... спасайся!... — только и мог вымолвить я.

В это время к нам подошли другие товарищи. Они рассказали удивленному китайцу, как было дело.

Оказалось, то, что я принял за дикого зверя, был всего лишь голубь, свивший себе гнездо в трещине.

Товарищи много смеялись, называя меня трусом, но я считаю, что лучше пять раз ошибиться, чем один раз попасть в когти льва или тигра. Осторожность никогда не мешает.

Мы возвращались из Колизея, шумно общиваясь впечатлениями. Рим очень всем

нравился. Хорошо было в Италии. Солнце грело ласково, вокруг все было ново, интересно и красиво.

— Вот где бы пожить подольше, — мечтательно сказал Треуголка.

— Слишком уж жарко, — пробормотал Эскимосик, — вытирая пот.

— Тебя бы в ледник засадить, — смеясь заметил Матросик. — Тебе бы только лед подавай.

— Хорошо, очень хорошо здесь, — хором говорили остальные.

Но вдруг приключилась история, которая страшно нас напугала и заставила забыть все красоты Италии.

Проходя по большой площади, мы услышали крики и вопли, и увидели, как из боковой узкой улицы выбежали плачущие дети и женщины. Все они бросились врассыпную и стали прятаться во дворах ближайших домов. Затем из той же улицы выбежало человек десять рабочих, за которыми гнались какие-то люди в черных рубашках, вооруженные палками и револьверами.

— Караул! — закричал я и первый помчался к ближайшей подворотне.

За мной бросились и все остальные ли-

липутики. Спрятавшись за решетчатыми воротами, мы со страхом смотрели, что делалось на площади.

Люди в черных рубашках нагнали рабочих и стали их избивать. Мы увидели, как шесть человек, изувеченных и окровавленных, упали без памяти на мостовую. Остальных четырех люди с черными рубашками окружили и увели куда-то.

Мы все тряслись от страха. Вместе с нами в подворотне спрятался мальчик лет десяти. Он горько плакал.

— Что же это такое? — негодовал доктор Мазь-Перемазь. — Это нападение разбойников! Почему их не арестовали?

Знайка, хорошо знавший итальянский язык, тем временем разговаривал с мальчиком. Вот что тот рассказал:

— Люди в черных рубашках называются фашистами. Все они — люди состоятельные, богатые, а если и не богатые, то служащие у богатых и перед ними выслуживающиеся. Фашисты боятся рабочих и всячески их преследуют. Рабочим же в Италии живется очень плохо. Они получают так мало жалованья, что не могут прокормиться с семьей. Работать приходится им

непосильно. Поэтому среди рабочих усиливается ненависть к хозяевам, фабрикантам. Они требуют увеличения жалованья. Хозяевам это невыгодно и потому они всячески стараются запугать рабочих. Избитые рабочие требовали прибавки, за это на них и напали фашисты.

— Моего папу они увели, — с плачем сказал мальчик. — Кто знает, что они с ним сделают!

Мы все молчали.

Тем временем избитых и израненных рабочих подобрали и унесли по домам. Площадь опустела. Наступал вечер.

— Знаете, что, — сказал я наконец. — Давайте удерем поскорее отсюда, из этой Италии, пока мы целы. Не хотел бы я встретиться еще раз с фашистами.

— Да, — поддержал меня Чи-ка-чи, — вовсе не так приятно жить тут, как кажется. Довольно с нас Италии!

Все лилипутики согласились со мной. Мы поспешили на вокзал и сели в поезд, идущий в приморский город Геную. Оттуда на пароходе мы, ни дня не промедлив, отправились в Испанию.

VII.

Прошло уже более двух недель, как мы были в Испании. Мы изъездили ее вдоль и поперек, побывали в ее столице — Мадриде, взбирались на Пиринейские горы, катались по некоторым испанским рекам и, наконец, очутились как-то на берегу моря.

Погода была великолепная, день ясный, море спокойное.

Мы прогуливались по берегу, любовались видом на море и тихо беседовали между собой.

— Вот бы прокатиться на лодке! — сказал Скок. — Погода такая чудесная!

— Недурно было бы! — согласился Дедко-Бородач.

— Отлично! Едем! Едем! — подхватили мы все.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Пуговка, раскрывая свой огромный, как у щуки, рот. — А на чем мы поедем? Где же лодка?

Мы оглянулись вокруг. В самом деле, лодки нигде не было видно.

— Ха-ха-ха! Далеко уехали! — хохотал Пуговка.

— А я вам говорю, что лодка должна быть! — заявил вдруг Рикки.

— Почему? — удивились мы.

— Матросик, — позвал Рикки, — посмотри-ка, это что?

Он указал рукой на лежавший на песке какой-то огромный предмет.

— Это, по-твоему, что?

— Что? Руль, конечно!

— Ну, а где есть руль, там и лодка должна быть! — важно промолвил Рикки.

— Верно, верно, Рикки! — закричали мы.

— Однако, — заметил Матросик, — если лодка и нашлась бы, то мы все равно не могли бы на ней ехать, так как не справились бы с ней. Смотри, какой большой руль!

— Далеко уехали! — хохотал Пуговка.

— Совсем не большой! — упрямо возразил Рикки.

— Большой, конечно!

— Нет!

— Друзья, — остановил их Дедко-Бородач, — о чем вы спорите: ведь лодки все равно нет.

— Поедем прямо на руле! — предложил Карапузик. — Стащим его в воду. Он деревянный, не утонет.

— А я буду капитаном! — предложил я.

— Ты, Мурзилка, нас утопишь!

— Нет, будьте спокойны! — старался уверить я.

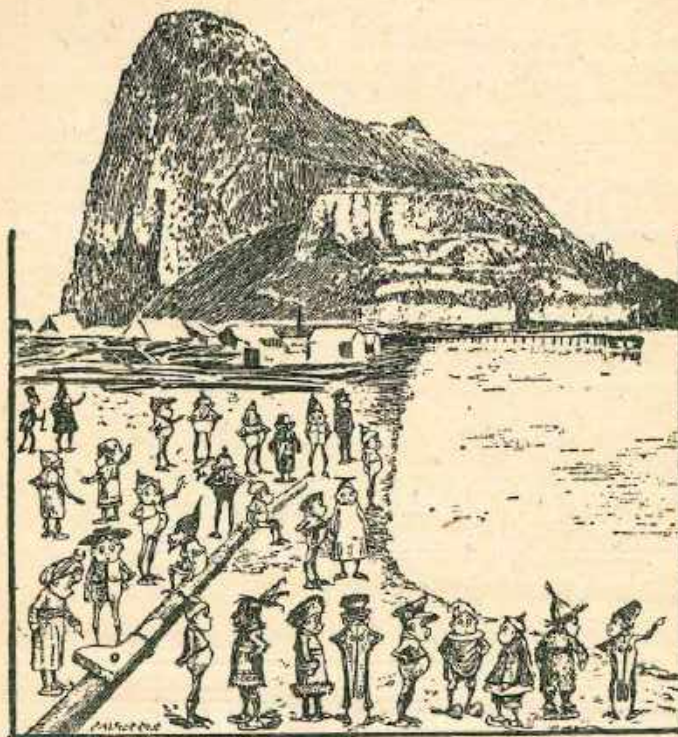
Однако, никто из лилипутиков не согласился пуститься в это путешествие.

— Товарищи, — предложил Знайка, — пойдемте лучше к той горе. Там есть деревня; может быть, там и найдем лодку. Тут недалеко!

Мы двинулись.

Оказалось, однако, что деревня была далеко, и, пока мы туда шли, совсем стемнело. Кататься на лодке было поздно.

Усталые, мы нашли какую-то заброшенную хижину на краю деревни и расположились на ночлег.

Рикки указал рукой на лежавший на песке какой-то предмет...

Скоро все стихло.

Я задремал вместе с другими. Вдруг надо мной раздался чей-то шопот.

— Мурзилка, ты спишь?

Это был Карапузик.

— Сплю, — ответил я сердито. — А что тебе?

— Ты слышишь музыку?

— Музыку? Где?

Я вскочил и стал прислушиваться.

Действительно, откуда-то неслись звуки веселой музыки.

— Знаешь, пойдем потихоньку, узнаем что это такое, — предложил Карапузик.

Мы встали, тихо пробрались между сонными товарищами и вышли на улицу.

— Это там! — сказал мне Карапузик.

Мы двинулись на звуки.

Скоро при свете яркой луны мы могли различить большую толпу народа. Там танцевали.

Что это был за танец! Никогда еще в своей жизни я не видал ничего подобного. Это было какое-то бешенное скаканье и прыганье! Под звуки веселой музыки, с бубном и кастаньетами, танцующие то поднимали руки над головой, то кружились, то приседали, чуть не задевая носами землю. Иногда они вдруг на момент замирали на месте, потом еще живее, еще быстрее принимались скакать.

— Это ужас, что такое! — промолвил я.

— А мне нравится! — сказал Карапузик. — Смотри, как они легко танцуют. Испанцы славятся этим.

Мы довольно долго смотрели. Наконец, я захотел спать.

— Я иду домой! — сказал я Карапузику.

— Подожди минутку, идем вместе.

Карапузик был в таком восторге от испанских танцев, что всю дорогу напевал: «Тра-ля-ля-ля!» и притоптывал ногами.

На другое утро меня разбудил неистовый шум.

С трудом открыв глаза, я увидел, что хижина пуста.

Со двора доносился смех, крики, топанье и припев: «Тра-ля-ля-ля!»

Я поспешил к двери, взглянул и остолбенел: все мои товарищи отчаянно отплясывали, как настоящие испанцы.

Впереди выступали Скок и Прыжок. За ними, скользя по песку, следовали Индеец и Тузилка, размахивавший во все стороны своей дубинкой, с которой он никогда не расставался; далее танцевали, дружески обнявшись, Матросик и Треуголка, за ними выделявали какие-то замысловатые па Китаец и Чумилка и еще многие другие.

— Тра-ля-ля-ля! — пел Карапузик, подбегая то к одной паре, то к другой, и вдруг, увидав меня, подлетел ко мне и, схватив меня за руки, закружился со мной в бешеном танце.

— Довольно! Довольно! — отбивался я. — Ох, мне худо! Голова кружится!

Но Карапузик был неумолим и кружил меня до тех пор, пока я, совсем обессиленный, не повис у него на руках.

— С Мурзилкой обморок! — закричал он и стал опускать меня на землю.

Но тут я вспомнил про свой костюм и быстро встал на ноги, чтобы не испачкаться в пыли.

— Ну, довольно танцевать, — заговорил между тем Дедко-Бородач. — Пора двигаться дальше! Не забудьте, что мы хотели побывать в знаменитом городе Севилье, чтобы закончить свое путешествие по Испании.

— Верно, скорее в дорогу! — подхватили все. — А как доберемся до Севильи?

— По-моему, — заметил Знайка, — лучше всего будет морем добраться до реки Гвадалквивира, а там пароходом доехать и до Севильи, которая расположена на Гвадалквивире.

Все мои товарищи отчаянно отплясывали...

— Отлично!

Мы двинулись в путь и добрались до Севильи без всяких приключений.

Когда мы гуляли по городу, кто-то вспомнил, что мы еще ни разу не видали боя быков, которыми славится Испания.

— Мы обязательно должны это видеть! — заметил Знайка. — Как же это, быть в Испании, да не видеть боя быков? Кстати, здесь, в Севилье, бои быков часто устраиваются; нужно только отыскать место, где они происходят.

Мы отправились на поиски.

Скоро, проходя по площади, мы нашли афишу, наклеенную на забор.

В ней говорилось, что на завтра назначен бой быков.

— Вот и отлично! — заметил доктор Мазь-Перемазь. — Мы завтра...

— Тсс... слышите? Это что? — прервал его Карапузик.

Мы прислушались.

— Вы слышали какое-то мычанье и возню за забором? Может быть, там быки?

— Это интересно! — заметил я и приложил глаз к щели забора. Но в щель ничего почти не было видно.

— Пойдите, я сейчас взлезу на забор, посмотрю! — сказал юркий Скок и в два прыжка очутился на заборе.

— Бык! Бык! — закричал он, — да какой огромный!

Некоторые из нас последовали его примеру.

Я, Тузилка и Матросик прильнули снова к щели.

— Смотри, смотри, он совсем близко! — шепнул мне Матросик.

Я взглянул и, действительно, бык оказался так близко, что я мог бы до него достать своей тросточкой.

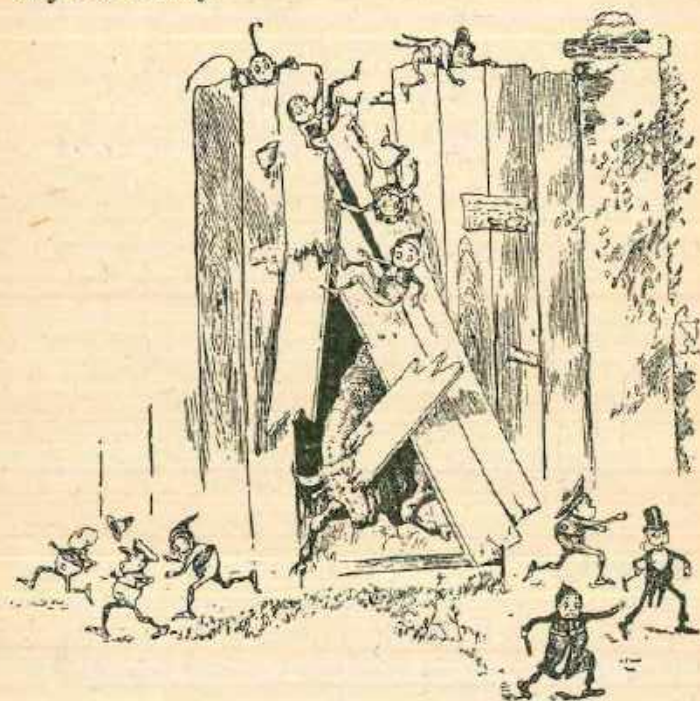
Не долго думая, я схватил тросточку и всунул ее в отверстие.

Вдруг раздалось отчаянное мычанье, треск, доски забора с шумом повалились, и на нас выскочило какое-то ужасное чудовище с огромными рогами и кровью налитыми глазами.

Никогда еще не видал я таких страшных, огромных быков.

В ужасе мы бросились спасаться, кто куда мог. Одни карабкались на забор, другие на деревья, часть попряталась в кусты. Пробегая мимо дерева, бык в ярости ударил

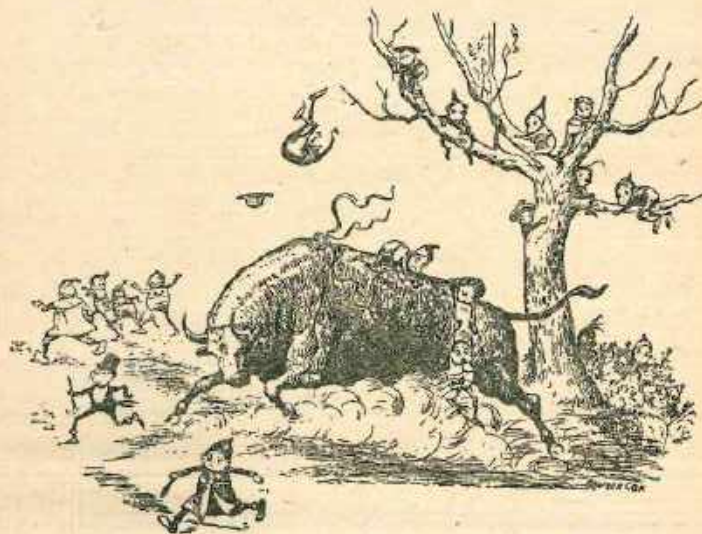
в него рогами и несколько лилипутиков от неожиданного толчка слетели оттуда прямо ему на спину.

Доски забора с шумом повалились и на нас выскочило какое-то ужасное чудовище...

Но бык не обратил на них ни малейшего внимания и помчался прямо на меня. Должно быть, его сильно рассердила моя тросточка. Я удирал, как только мог. Просто

удивляюсь, как я благополучно избег опасности. Однако мой цилиндр упал с головы да лакированные башмаки пострадали от этой бешеной скачки.

Бык помчался прямо на меня...

Это приключение сильно взволновало всех нас.

— Благодарю за такие забавы!—говорил Чумилка, сильнее других пострадавший.— Поздравляю испанцев, но больше не желаю видеть боя быков.

— Уберемтесь-ка отсюда. Довольно, познакомились с Испанией! Иначе, пожалуй, никто из нас в живых не останется.

— Верно! Верно! Прочь из Испании! — подхватили мы все хором.

В тот же день вечером мы сели на большой пароход, доvezший нас по Гвадалквиву до моря, а оттуда на большом морском пароходе мы отплыли в Америку.

VIII.

— Вставайте, братцы, вставайте! Мы у берегов Америки! — кричал рано утром Знайка.

Это было три недели спустя после того, как мы отплыли из Испании.

На американском корабле нам жилось хорошо, привольно. Никто нам не мешал, никто нас не преследовал. Матросы либо спали, либо были заняты своим делом и не обращали на нас никакого внимания. Они даже, кажется, нас не замечали.

Во время плавания нашего парохода мы старались не скучать и развлекались, то за-

бираясь в лодку, стоявшую на площадке, то в разные трубы, то взлезая на мачты. Однажды при этом чуть не случилось несчастья: Тузик вдруг перегнулся через перила и упал в воду. К счастью, это тотчас же заметил карабкавшийся на мачту Знайка и закричал:

Мы развлекались, забираясь в лодку, стоящую на площадке, в трубы...

— Спасите! Спасите! Тузик упал в воду!

И Тузика благополучно вытащили из воды, где он наверное попал бы на обед акулам...

Другой раз мы, желая помочь кочегарам, чуть было все не сгорели. Захотелось нам бросить уголь в большую печь на корабле, но едва мы открыли дверцы, как оттуда юбдало нас красным, горячим огнем.

Карапузик при этом упал в обморок, и если бы Ведун не схватил его во время, быть бы страшной беде.

— Ну, братцы, скорее, вставайте! — говорил Знайка. — Посмотрите, отсюда виден памятник Колумбу.

— Колумбу? А кто такой Колумб? — спросил Тузик.

— Это испанский путешественник, открывший ту часть света, которая называется Америкой. До него никто в Европе не знал о том, что далеко за океаном суще-

Тузик упал в воду...

ствует огромная богатая земля. Он первый с храбрыми матросами отправился туда.

— А это давно было? — спросил я.

— О, давно, — ответил Знайка, — более четырехсот лет тому назад, когда люди плавали не на таких пароходах, как теперь, а на кораблях с парусами. Вот этому то Колумбу и поставили памятник.

Когда мы все встали, оделись, напидись кофе, наш корабль медленно подходил к берегу.

— Ну, что-ж, скоро пойдем осматривать Америку? — предложил Дедко-Бородач.

Нас обдало огнем...

— О, это не так легко, как тебе кажется, — объяснил Знайка. — Америка занимает огромное пространство и состоит из многих отдельных государств. Вот мы теперь находимся у берегов, так называемых, Соединенных Штатов Северной Америки. Этих штатов или, как бы, губерний, 13. А город, который мы видим отсюда — это Нью-Йорк, самый населенный и самый зна-

чительный город в Америке. В нем шесть миллионов жителей.

— Ой-ой-ой! — изумился я. — Если бы их поставить в ряд, то, пожалуй, их хватило бы от земли до луны.

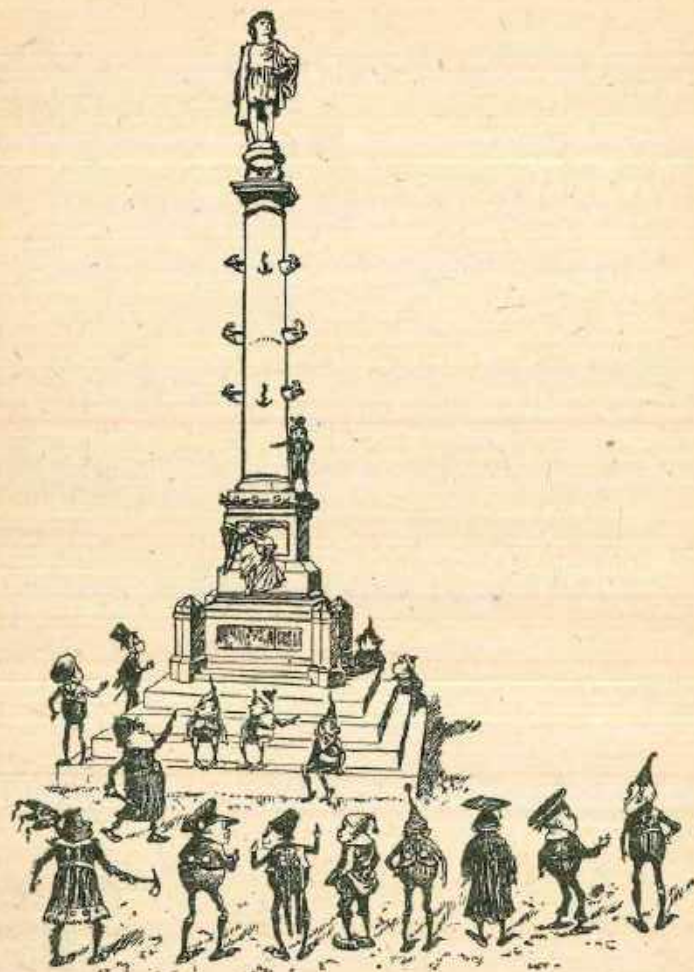
Мы по очереди смотрели в зрительную трубу, а Скок с Карапузиком вывесили флаг, чтобы дать знать, что мы приближаемся к берегу.

— Земля! Земля! — кричал сидевший на трубе Кнопка.

— Земля! — вторили остальные.

В то время, как все были заняты рассматриванием видневшихся вдали громадных зданий, Скок что-то сколачивал и мастерил в углу каюты. Оказалось, он нашел там маленький велосипед, как раз по своему росту, и старался приспособить его для себя. Как только корабль пристал недалеко от берега, мы, вместе с матросами, спустились на лодки и вскоре очутились на твердой земле. Скок благополучно притащил свой велосипед и, не успели мы опомниться, как он уже уселся и помчался вперед.

— Стой! Стой! Куда ты? — кричали Индеец, Дедко-Бородач, Вертушка и другие и погнались за велосипедом.

Памятник Колумбу.

— Вы не беспокойтесь,—ответил Скок,— я осмотрю дорогу и решу, где бы нам лучше всего остановиться.

И он помчался вперед.

Не прошло и пяти минут, как Скок уже важно возвращался обратно.

— Тут поблизости прекрасная купальня,—докладывал он.—После нашего долгого путешествия приятно будет всем выкупаться. Не правда ли?

— Конечно! Конечно!—ответили все в один голос.

— Так вот, идите за мной,—продолжал Скок.— Я покажу вам дорогу.

— Но нам не успеть за твоим велосипедом!—заметил Тузилка.

— Я поеду медленно,—ответил Скок.

Вскоре все мы очутились у стоявшего на берегу высокого здания с башней. Это, оказалось, были морские купальни. Так как, однако, было еще очень рано, никого в купальне не было.

Здесь оказались в большом количестве костюмы для купания, сушившиеся на солнце. Не долго раздумывая, мы стали переодеваться в эти костюмы и один за другим погружались в воду. Костюмы были слиш-

ком большие и широкие, и не мало труда потребовалось, чтобы приспособить их для нас.

— А ты, Мурзилка, не будешь купаться? — спросил меня Дедко-Бородач.

Лялипутики один за другим погружались в воду...

— Нет, — ответил я, — у меня нет охоты; лучше посмотрю, как другие будут купаться.

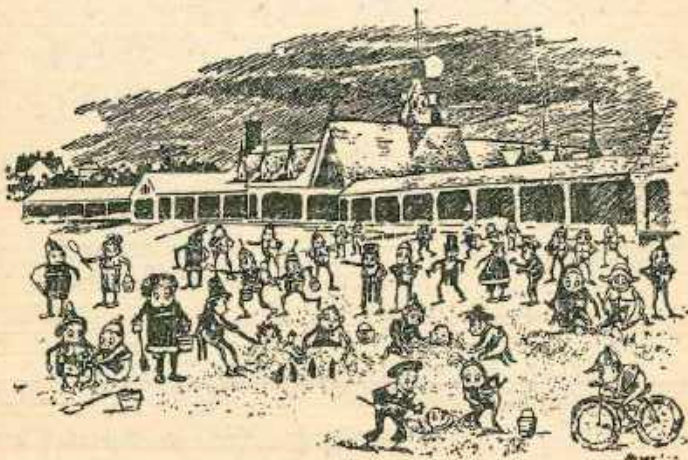

Вдруг налетела огромная волна...

И, вместе с Тузилкою, Карапузиком, Кнопкою и Самоедом, я отправился на башенку купален, откуда видно было море кругом.

Но купавшиеся с таким наслаждением плескались в воде и так восхищались ку-

панием, что, в конце-концов, я тоже решил надеть купальный костюм и спуститься в воду. Но я все-таки предусмотрительно надел спасательный пояс, хотя я и ничуть не боялся утонуть.

Некоторые приняли песочные ванны...

Не успел я окунуться, как налетела огромная волна, которая чуть не погубила всех наших лилипутиков. Раздались крики, стоны. Тут только все убедились, как умно я сделал, что запасся спасательным поясом, ибо я один из первых успел выбраться на берег, а без этого пояса я бы наверно утонул...

Когда опасность миновала и все благополучно выбрались на берег, решено было отдохнуть на песке. И вот, повесив опять на место костюмы, мы все стали бегать по песчаному берегу, а некоторые приняли даже песочные ванны, погрузившись по шее в песок.

— Ну-с, довольно, братцы, пора приниматься за дело! — раздался голос Знайки.

И все тотчас же бросили забаву.

IX.

Возвращаясь из купальни, мы заметили большую вывеску: «Зоологический сад». Конечно, мы не упустили случая, чтобы побывать в этом саду.

Было еще очень рано, сторожа все спали крепким сном, и мы незаметно проникли в сад.

Первое, что нам бросилось в глаза, были высоченные жираффы.

Подойдя к клетке с жирафами, мы увидали, что у забора, за которым они находились, лежит седло.

— Вот бы прокатиться на жираффе! — предложил Вертушка.

— Что-ж, это можно! — решил Скок. — Давайте выведем на площадку этого большого жираффа. Он, кажется, очень смирный.

Едва мы открыли дверцы забора, за которым помещались жираффы, как самый большой из них тотчас же прошел в сад и, очевидно, уже привыкший, что на нем

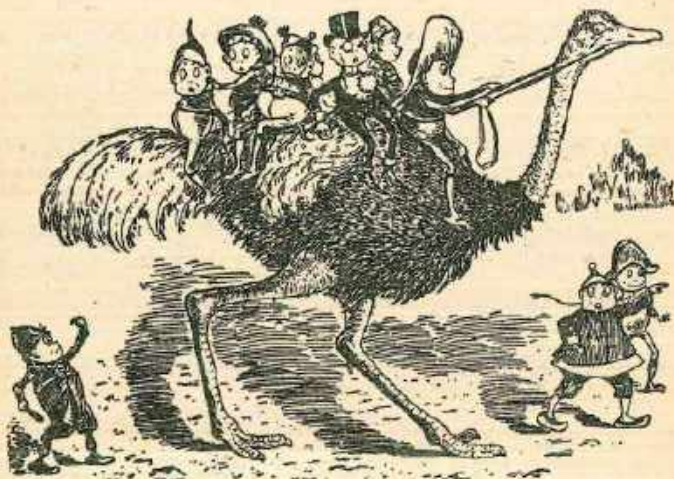

Знайка и Вертун старались укрепить седло...

ездят по саду, опустился на колени и приник головой к земле. Скок ловко набросил ему на шею веревку, Мик придержал за голову, а в это время Знайка и Вертун старались укрепить седло.

— Нужно бы лестницу подать! — распоряжался, между тем, Мельник. — Иначе нам не забраться в седло.

Вдруг, неожиданно, жирафф, которому очевидно надоело так долго стоять на ко-

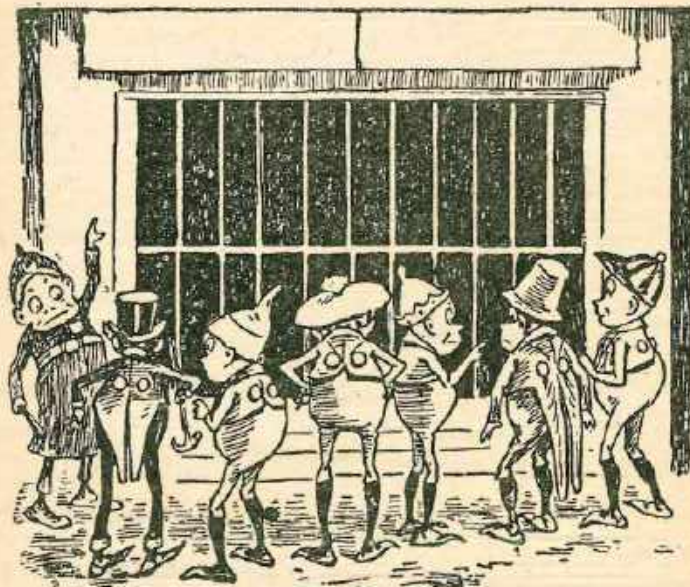
Мик заставил страуса пробежать по аллеи сада...

ленях, поднялся на ноги и, не обращая на нас никакого внимания, направился обратно за забор.

Так нам и не пришлось прокатиться на жираффе.

Зато мы, по крайней мере, я и шесть самых храбрых из нас, отлично прокатились

на страусе. Кучером был Мик и он ловко заставил страуса пробежать с нами по всем аллеям сада.

Мы подошли к домику обезьян...

После этой прогулки мы решили провести обезьян, которые помещались в особом домике, за решеткой. Когда мы подошли к домику обезьян, те еще спали и, очевидно, крепко спали, потому что нам пришлось долго кричать, пока они проснулись.

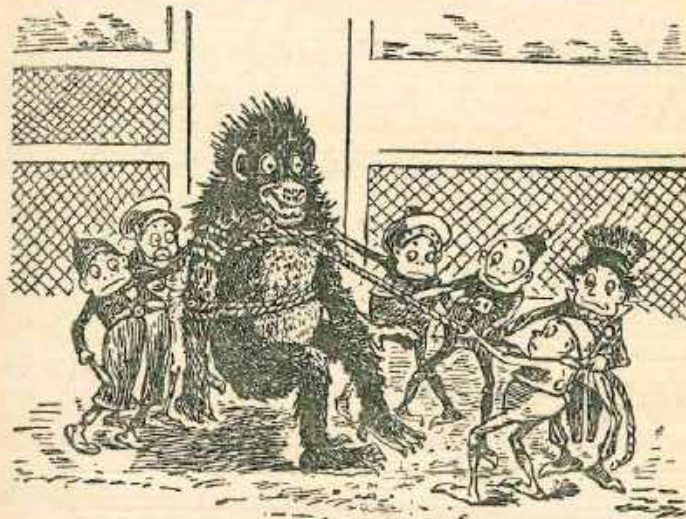
С обезьянами у нас вышла маленькая неприятность, которая чуть не окончилась очень плачевно.

Обезьяны уже были на деревьях, на крышах и на заборах...

Карапузик, подойдя к дому обезьян с другого конца, увидел маленькую дверцу и, не зная, куда она ведет, открыл ее. Обезьяны тотчас же заметили это и выскочили одна за другой в сад. Когда перепуганный Карапузик пришел в себя, обезьяны уже были на деревьях, на крышах и на заборах.

Тут началась погоня за беглецами. Все мы погнались за ними, но обезьяны ловко бежали от нас. Одна из них обратила внимание на мою шляпу и непременно хотела сорвать ее с головы. Не знаю, чем бы это

Много возни было с большой свирепой обезьяною...

кончилось, если бы Мик во-время не успел накинуть ей на шею веревку и не потащил обратно в обезьянник. Обезьяна страшно закричала, пробовала разорвать веревку, но Скок с Карапузиком, Тузилкою и Вертушкою так ловко схватили ее, что она ничего не могла поделать.

Но особенно много возни было с большою свирепою обезьяною, которую с трудом удалось связать и водворить на место. В конце-концов, все обезьяны, привязанные

Обезьяны, привязанные к одной веревке, были обратно введены в дом...

к одной веревке, были нами обратно введены в их дом, где они подняли страшный вой и крик.

В это время мы оставили сад и гурьбой отправились в большую гостиницу на главной улице Нью-Йорка, где и переночевали все в одной из пустых комнат.

X.

Ни в одном городе мы не оставались так долго, как в Нью-Йорке. Две недели мы осматривали его. Тут было что посмотреть.

Вот, например, дома. Здесь есть дома и по двадцать, и по тридцать, и по сорок этажей. Недаром их в шутку называют «небоскребами». Люди, в сравнении с ними кажутся куколками, а мы, лилипутики — козявками.

У меня скоро разболелись глаза и шея. Для того, чтобы рассмотреть небоскреб, мне то и дело приходилось закидывать голову и таращить глаза. Я стал даже бояться, как бы глаза не вылезли на лоб.

Пройти по улице — довольно мудренная штука. Здесь очень много автомобилей, и они мчатся непрерывной вереницей. Если сунешься на мостовую, тебя непременно раздавят. Для того, чтобы перейти улицу, нужно ждать, пока полицейский, стоящий на углу, подымет палку. Тогда все автомобили мгновенно останавливаются, и пешеходы перебегают с одного тротуара на другой.

Сперва все это нас очень затрудняло, но вскоре Скок придумал, как нам быть. Как только автомобили останавливались, мы вскакивали сзади на рессору и преспокойно и удобно ехали, сколько хотели. Сидели мы тихо и неподвижно. Прохожие думали, что кто-то посадил позади автомобилей куклы, и много смеялись этой выдумке.

Над многими улицами проведены мосты, а по этим мостам идет железная дорога. Шум от этого ужасный. Не раз, идя по улице, я пугался грохота, внезапно раздававшегося сверху. Мне казалось, что на голову мою падает дом.

Мы ездили и по этой воздушной и по подземной дороге; заглядывали в улицы, где было даже по утрам темно, так как не-

Уличное движение в Нью-Йорке.

боскребы заслоняли солнце, по вечерам любовались электрическим освещением, которое в Нью-Йорке гораздо лучше и сильнее, чем в других виденных нами городах. Ночью здесь так же светло, как и днем. Разные движущиеся и вертящиеся вывески и объявления ярко освещены электричеством. Нас они очень забавляли. Но всего этого нам было мало.

— Эх, — сказал однажды Скок, — хорошо бы забраться на крышу самого большого небоскреба и поглядеть оттуда на Нью-Йорк! Вот красота, вероятно!

— Да, да, — живо поддержал Матросик, — непременно надо взлезть на небоскреб.

Я поглядел на 42-этажный дом, перед которым мы стояли, и осторожно сказал:

— Воображаю, какой там ветер гуляет по крыше; он может, пожалуй, нас сдунуть. Цилиндр мой, во всяком случае, улетит. Не лучше ли нам пойти в кондитерскую и попробовать американских пирожных?

Однако, мои товарищи подняли меня на смех и обозвали трусом, а Треуголка запел противную песню:

Ты, Мурзилка, — щеголь, франт!
На затылке — синий бант!

Я, как известно, вовсе не трус; я только осторожен.

Решили лезть на небоскреб.

— Как же это сделать? — недоумевал Ведун.

— Идите за мной, — сказал Знайка, — я уже разузнал, как добраться до крыши.

Мы вошли в огромные двери дома. За ними мы увидели большую подъемную машину, которая представляла собой целую комнатку. Мы залезли в нее и уселись на диванчиках.

Знайка нажал какую-то кнопку, и вдруг комнатка наша стала быстро подниматься вверх.

У меня так и захватило дыхание.

— Караул, — закричал я, — дом падает!

— Не волнуйся, Мурзилка, — смеясь, сказал Знайка, — дом не падает, он стоит крепко, просто мы быстро поднимаемся.

Поднимались мы добрых четверть часа. Наконец, машина остановилась, мы вышли и под предводительством Знайки выбрались через чердак на крышу.

Вид, действительно оказался удивительным. Громадный город был перед нами, как на ладони. Далеко виден был и океан, на ко-

тором множество пароходов спешили: одни к Нью-Йоркской гавани, другие из нее. Дома в десять и двенадцать этажей казались игрушками; автомобили, мчавшиеся по улицам — козявками, а люди — точками.

Вдруг случилось то, чего я боялся. Поднялся сильный ветер. Порывом снесло мой цилиндр. Я подскочил, чтобы поймать его, но ветер подхватил меня и понес к самому краю крыши. Еще секунда, и я погиб бы.

Я страшно закричал.

Увидев, что произошло, доктор Мазь-Перемазь подбежал ко мне и схватил меня за ноги, но ветер был так силен, что и он за мной поднялся на воздух. Тогда Чумилка ухватился за доктора, а Чи-ка-чи за Чумилку.

Ветер в эту минуту прекратился и все мы упали на крышу и пребольно ударились. Цилиндр же мой улетел и, как мы потом узнали из газеты, упал прямо на голову полицейскому, стоявшему на ближайшей улице. Полицейский был очень испуган и закричал:

— Караул! С неба цилиндры падают! Спасайся, кто может!

Автомобили остановились. Из них выскочили пассажиры и вместе с прохожими ста-

Ветер подхватил меня... Доктор Мазь-Перемазь схватил меня за ноги, Чумилка ухватился за доктора, а Чи-ка-чи за Чумилку...

ли глядеть на небо. Но цилиндры больше не падали.

— Ну, — сказал я, растирая ушибленное место, — довольно с меня небоскребов! Скорее вниз! Нужно купить новый цилиндр.

Тем же путем мы выбрались на улицу и пошли искать шляпный магазин.

XI.

— Третью неделю мы уже в Америке, а не видели еще знаменитой Ниагары, — сказал как-то раз утром Знайка.

— Ниагара? А что такое Ниагара? — хором спросили все мы.

— Ниагара — это знаменитый водопад. Вода в нем падает в пропасть с таким страшным шумом, что этот шум слышен за несколько верст...

— Поедем посмотреть Ниагару, поедем! — раздались голоса со всех сторон.

— Вот я об этом и думал, — сказал Знайка. — Я узнал, что туда отправляется завтра целый поезд с путешественниками.

— Мы тоже путешественники, значит и нам можно, — заметил я.

— Да, но надо позаботиться, чтобы нам дали вагон в этом поезде, — сказал Скок.

— Ничего, мы как-нибудь устроимся. Надо только найти дорогу к вокзалу.

— У Знайки есть план, на котором отмечены все улицы и все вокзалы. Он живо найдет, — решил доктор Мазь-Перемазь.

Действительно, на следующее же утро Знайка смело повел нас разными улицами прямо на вокзал, откуда шел поезд с путешественниками, ехавшими смотреть водопад Ниагару.

Путешественников было много, но один вагон все же оказался пустым. Мы туда и устремились.

Ехали мы долго, хотя поезда в Америке идут очень быстро.

Вдруг слышим ужасный шум, точно кто-то бросал огромные камни в пропасть.

— Это Ниагара шумит! — закричал Чумилка. — Вот мы скоро и у цели.

Действительно, вскоре поезд остановился. Путешественники вышли из вагонов и отправились к водопаду пешком. Мы за ними.

Разговаривать по дороге мы не могли, потому что из-за шума ничего не было слышно.

Но вот и водопад.

Вода там бежит с ужасным шумом сверху вниз. Даже страшно смотреть.

Китаец Чи-ка-чи подошел к самому берегу и хотел поближе посмотреть, как падает вода.

— Что ты делаешь, Чи-ка-чи! — воскликнул доктор Мазь-Перемазь. — Упадешь в водопад, так и пропал! — и оттащил Чи-ка-чи за косу.

Мне тоже захотелось посмотреть поближе водопад. Я стал на самом краю скалы. Но тут у меня чуть было не закружилась голова, и я едва-едва удержался: водопад так и тянул меня к себе.

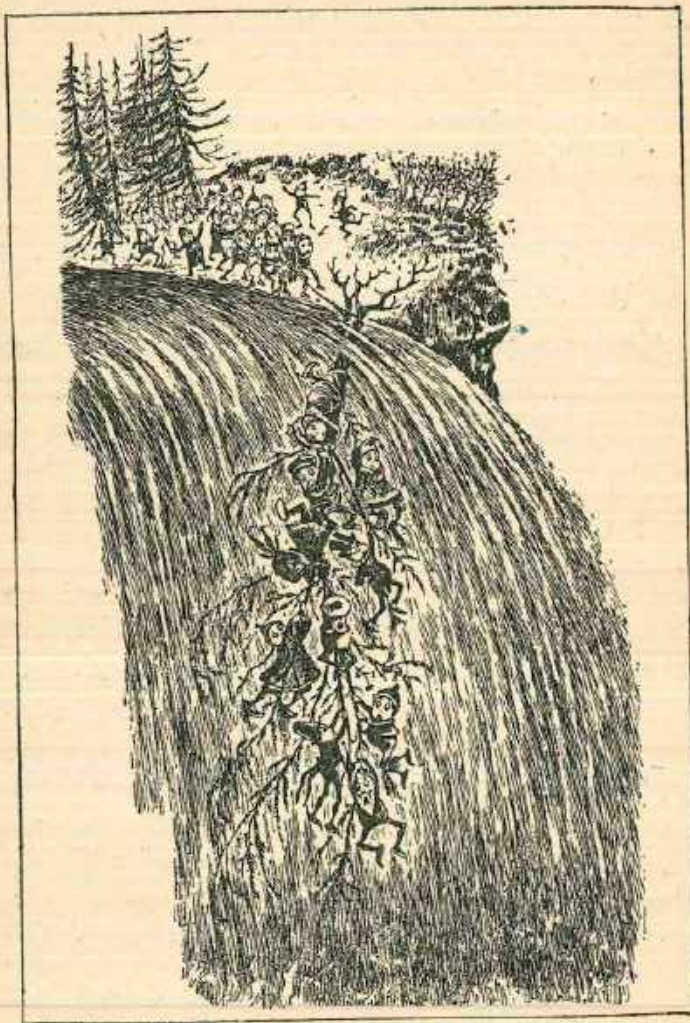

Мазь-Перемазь оттащил Чи-ка-чи за косу...

Но все это ничего в сравнении с той опасностью, которую мы пережили, взобравшись на самую верхушку скалы, откуда начинает падать вода.

На скале, у самого края, стояло большое дерево.

Чтобы лучше наблюдать, как бежит водопад, десять самых храбрых из нас — в том числе и я — взобрались на дерево.

Дерево покатилося к водопаду...

— Какая прелесть! — вскричал Дедко-Бородач, восторгаясь чудным видом.

— Да, дивно... — хотел было подтвердить доктор Мазь-Перемазь, как дерево внезапно покачнулось и, не выдержав тяжести, покатилося к водопаду.

Еще минута — и все наши десять храбрецов погибли бы в пропасти, унесенные водопадом.

К счастью, Скок и другие, оставшиеся на земле, не растерялись, закинули на дерево веревку и удержали его от падения. Только благодаря этому мы и остались живы и невредимы.

После такого приключения все потеряли охоту смотреть Ниагару и с первым же поездом вернулись обратно в Нью-Йорк.

ХII.

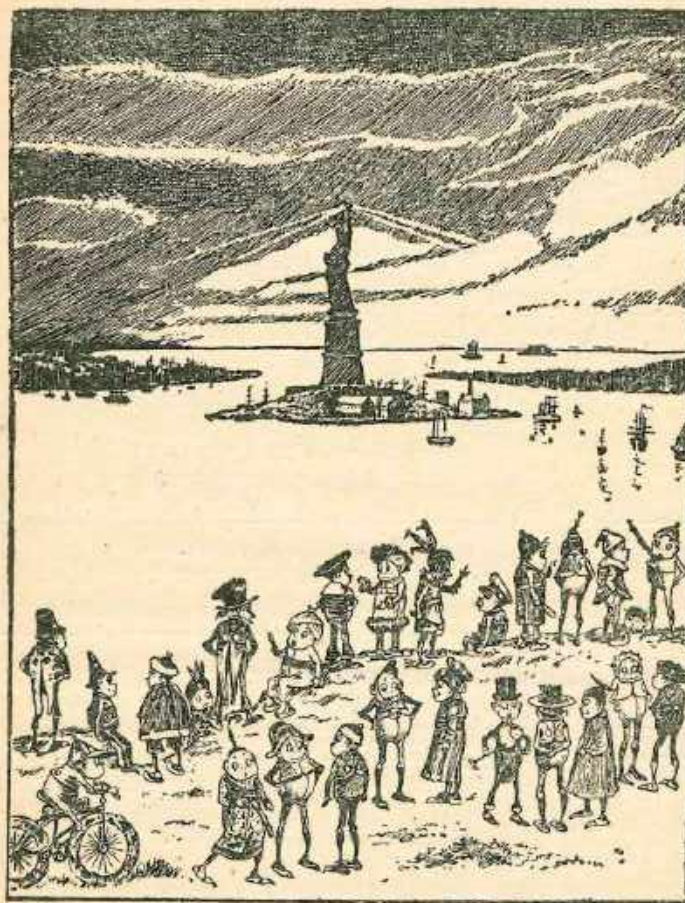
— Много интересного мы видели в Нью-Йорке, а вот статую Свободы до сих пор как следует не рассмотрели, — сказал как-то утром Матросик.

— Матросик прав, — поддержал доктор Мазь-Перемазь. — Идем смотреть статую Свободы!

Эта огромная статуя возвышается на маленьком островке при входе в гавань.

Ее, как объяснил нам Знайка, подарили американцам французы.

Она огромная, вся медная. Изображает она женщину, стоящую на высоком фундаменте и держащую факел в руках. Этот фа-

Статуя Свободы возвышается при входе в гавань...

кел бросает электрический свет на очень далекое расстояние.

— Хорошо бы нам забраться на верхушку статуи. Оттуда верно видна вся Америка, — заметил Скок в разговоре с Вертушкой, когда мы стояли на берегу, как раз напротив того островка, где стояла огромная статуя.

— Что-ж, попробуем взобраться туда, — ответил Вертушка.

Этот разговор подслушали другие, и сейчас же все решили, что нам непременно следует побывать на верхушке статуи.

Перебраться на островок, где возвышается статуя, было не так трудно. На взморье стояли лодки и корабли, и мы вечером, когда матросы улеглись спать, незаметно уселись в лодки и поплыли по направлению к статуе.

Когда мы уже были на половине пути, то вдруг заметили, что среди нас нету Карпузика. Он остался на берегу. Хотели уже вернуться, чтобы захватить его, но Карпузик, не дожидаясь нас, сел верхом на бочку и поплыл по волнам.

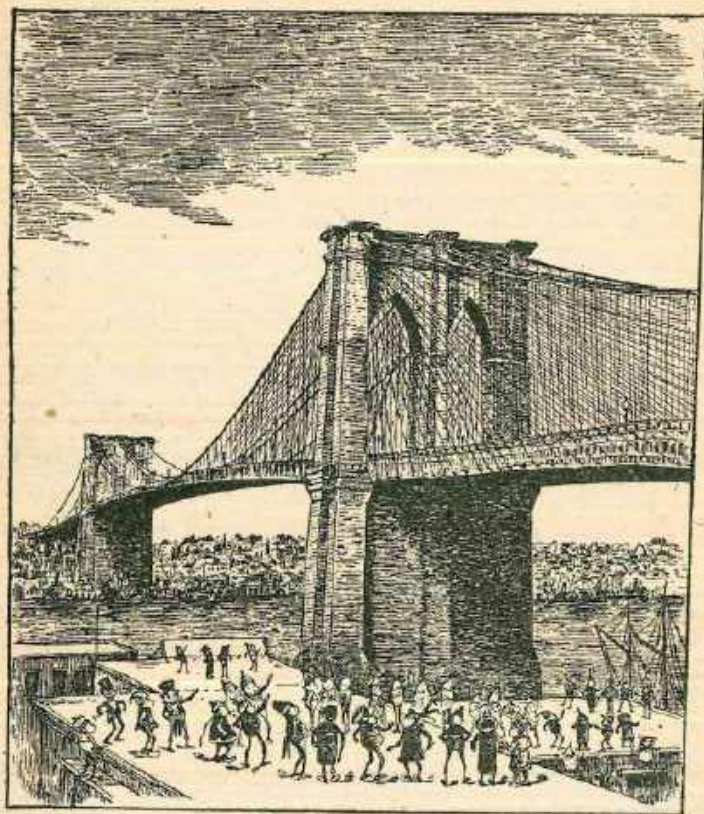
Не без труда удалось захватить бочку багром и притянуть к лодке.

Но вот мы внутри статуи. Там, оказывается, лестница до самой верхушки. Раз, два, три — и мы уже наверху, на самой голове «Свободы», украшенной короной с

Мы на голове статуи, украшенной короной с семью огромными лучами...

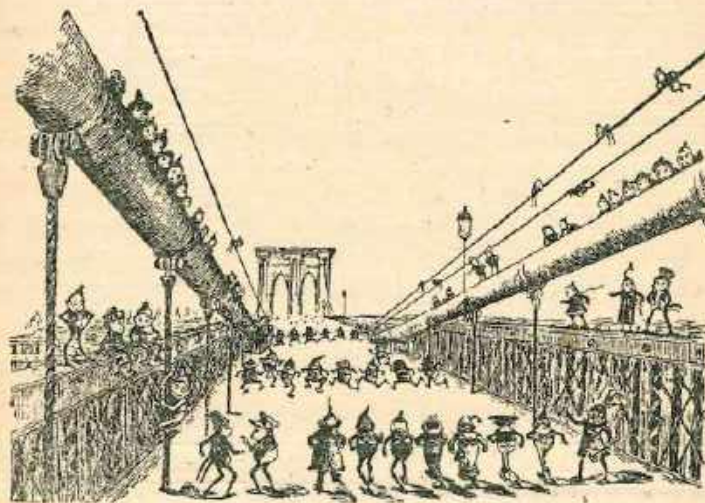
семью огромными лучами. Матросик, не долго думая, сейчас же стал карабкаться на один из лучей. Его примеру последовали и другие, между тем, как я, Знайка, Карпузик, Скок остановились немного ниже, у прилегающей к волосам статуи короны, и стали смотреть в устроенные там отверстия.

— Это самый замечательный мост в мире, — объяснил нам Знайка...

Заметили ли нас люди кругом — не знаю. Но едва-ли. Слишком, вероятно, уже крошечными должно быть казались мы издали.

Всей Америки с верхушки статуи не было видно, но весь Нью-Йорк мы отлично видели, особенно я. Вот когда пригодилось мое стеклышко, над которым так часто смеялись наши ребята.

Смело вошли на мост...

Налюбовавшись вдоволь, мы спустились вниз и отправились осматривать Бруклинский мост.

— Это самый замечательный мост в мире, — объяснял нам Знайка. — Он соединяет Нью-Йорк с городом Бруклином.

— Давайте, братцы, пройдем по этому мосту, — предложил Скок.

— А не провалится он под нами? — спросил я.

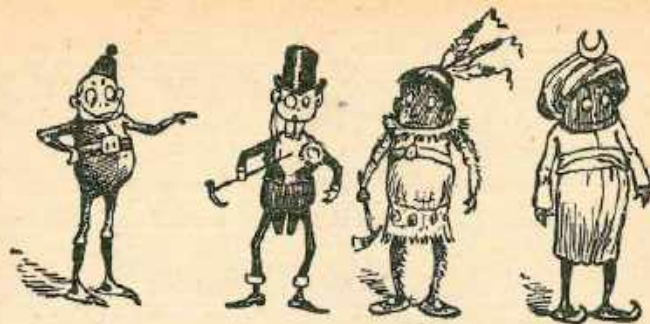
Конечно, спросил я не потому, что боялся, а просто потому, что я люблю быть осторожным.

— Почему же он должен провалиться? — полюбопытствовал Индеец.

— Как-же, смотрите, ведь это мост висячий. Он держится всего на двух столбах... А нас так много... — ответил я.

Однако, другие не разделяли моих опасений и смело вошли на мост. Некоторые стали даже карабкаться на толстые железные канаты, которыми придерживается мост.

Я ждал, покуда все пройдут, и только тогда вслед за другими решился пройти по мосту. Я шел очень осторожно, и мост под мою не провалился.

XIII.

— Очень долго мы засиделись в Нью-Йорке, пора бы нам отправиться в другие места Америки, — сказал однажды утром Скок.

— У меня другое предложение, — возразил обыкновенно молчаливый китаец Чика-чи. — Из Нью-Йорка очень часто отправляются корабли на мою родину — в Китай.

— А как же с Америкой? — спросил Знайка. — Ведь мы побывали только в Соединенных Штатах, а не видели совсем других государств, которые находятся в Америке, не видели Мексики, Канады, Бразилии...

— Мы как-нибудь еще раз соберемся в Америку и тогда все посмотрим, — сказал

доктор Мазь-Перемазь. — А в Китай хотелось бы попасть: это должно быть интересная страна.

— О, ужасно интересная, — подтвердил Чи-ка-чи. — Там нас угостят таким чаем, какого никто из вас никогда не пил. Ведь чай получается из моей родины, Китая. Хотите, я вам многое могу рассказать про Китай, — добавил Чи-ка-чи и уже влез на пень, чтобы начать рассказывать, но его прервал Дедко-Бородач.

— Подожди, Чи-ка-чи! Вот среди нас находится Индеец Красное Перо, и он очень обижен, что мы находимся в Америке, а Знайка ничего нам не рассказал про индейцев.

— Верно! Верно! — раздались отовсюду голоса. — Знайка, расскажи нам, пожалуйста, все, что ты знаешь про индейцев.

Знайка, став на возвышении у дерева, сказал:

— О, я знаю так много про индейцев, что в один день всего не рассказать. Но вот слушайте:

— Краснокожие индейцы, к числу которых принадлежит и наш милый братец Красное Перо, жили в Америке в то время,

когда европейцы еще и не знали, что существует такая страна света, открытая, как я вам рассказывал, Колумбом. Жили, занимаясь большей частью охотой, в небольших хижинах, сделанных из бамбука и покрытых

Чи-ка-чи уже влез на пень, чтобы начать рассказывать...

древесными листьями. Часто воевали они между собою, так как у них много разных племен, которые старались овладеть землею и палатками своих соседей. И были индейцы хозяевами Америки, когда появились в ней испанские и другие моряки и воины, кото-

рые стали вытеснять индейцев из тех местностей, где они жили много лет. Индейцы защищались, вели войны с испанцами и другими европейцами, но ничего не могли поделать и удалялись все дальше и дальше вглубь страны... Теперь уже осталось немного индейцев в Америке и все они подчиняются белокожим американцам...

Индеец Красное
Перо сердито сжал
в руке свой топор.

Наш Индеец Красное Перо, слушая рассказ Знайки, прослезился, а затем громко заплакал и сердито сжал в руке свой топор.

Мы поняли, что он плачет о судьбе несчастных краснокожих своих родственников...

Знайка старался утешить своего товарища и рассказал ему, что в Америке есть еще другой несчастный народ — чернокожие негры, которых тоже сильно притесняли белокожие.

Знайка старался
утешить Индейца...

— Эти негры были долго рабами белокожих. Они их продавали, точно животных,

отнимали детей у родителей, разлучали мужей с женами, пока, наконец, не был издан закон, который освободил негров от рабства... Но и после этого закона неграм тяжело живется в Америке, и многие американцы до сих пор относятся к ним грубо и жестоко.

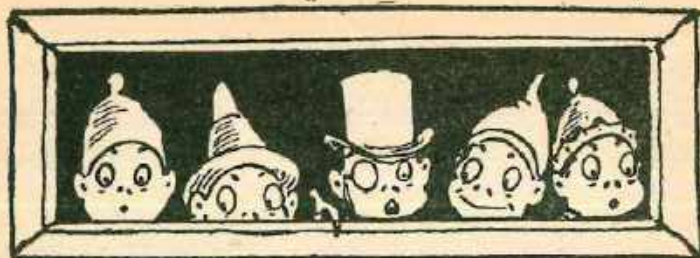
Рассказ Знайки, однако, не утешил Индейца. Он продолжал грустить, сверкая сердито глазами. Но вот раздался громкий голос Матросика:

— Братцы, если мы решаем ехать в Китай, то надо подготовиться. Прежде всего узнаем, когда уходит корабль, который отправляется в Китай.

— Это я скоро узнаю! — воскликнул Скок. — Дайте мне сюда велосипед, я поеду в гавань и там все расспрошу.

Спустя час мы уже знали, что большой американский корабль готов к отплытию в Китай и что для нас найдется на нем достаточно места.

XIV.

— Теперь, Чи-ка-чи, ты должен показывать дорогу, куда нам идти или ехать, — сказал Знайка, когда наш корабль после долгого путешествия подошел к берегам Китая. — Ты сам китаец, умеешь по-китайски говорить, так будь нашим проводником.

— Чинг-ченг-чанг, то есть по-китайски «с удовольствием», — ответил Чи-ка-чи. — Идите за мною.

И он открыл свой большой китайский зонтик.

— А попадем ли мы куда-нибудь с тобою, Чи-ка-чи? Я слышал, что весь Китай огорожен Великой стеной.

— Да, Великая стена, или по-нашему Ван-ли-чанг-чинг... Но что-ж из этого?

— Нас не пропустят.

— Э, пустяки! Я вас проведу!

Вскоре мы очутились перед высокой каменной стеной.

— Вот и Ван-ли-чанг-чинг, — сказал Чи-ка-чи.

— Ого! — воскликнул Скок, окидывая взглядом Великую стену, — через нее в самом деле трудно перебраться.

— Пустяки! — возразил Чи-ка-чи, хитро улыбаясь.

— А к чему построена эта стена?

— О, это очень, очень старая стена, — сказал Чи-ка-чи, — она была выстроена кругом всего Китая, чтоб неприятель не мог вторгнуться в Китай. Строили ее много-много лет. Ее длина около 4000 верст. Если бы собрать все камни и кирпичи, из которых она сделана, то из них можно было бы выстроить много тысяч домов. Вдоль всей стены были раньше укрепленные башни, и всюду расставлена была стража. Вот тогда мы не могли бы так легко проникнуть в Китай. Только бы подошли к стене, стража сейчас — паф!

— Ай! — невольно вырвалось у меня. — Уйдем скорее!

— Не бойся, Мурзилка, — успокоил меня Чи-ка-чи, — ведь это было много лет тому назад. Теперь тут никакой стражи нет... Да и стена полуразрушена.

— В самом деле? — обрадовался я. — Ну, так вперед!

И я, не дожидаясь других, стал карабкаться на стену.

Но это было не легко: не поднявшись и на аршин от земли, я кувырком полетел обратно и наверно разбился бы, если бы меня не поддержали товарищи.

— Подождите, друзья, — заметил Чи-ка-чи, — идемте дальше, там есть в стене пролом, через него мы и проберемся.

Мы пошли за китайцем и скоро, в самом деле, нашли пролом.

Минут через пять, без всяких приключений, мы все были уже в Китае.

— Теперь, — сказал Чи-ка-чи, — мы двинемся к нашей столице — Пекину.

— А не поздно ли будет, Чи-ка-чи? — спросил осторожный Дедко-Бородач. — Смотри, как стемнело!

— Ничего! — ответил Чи-ка-чи. — По-

дождите, я сейчас зажгу фонарь! — и он скрылся куда-то.

Через несколько минут он вернулся, держа в руке на длинной бамбуковой палке прехорошенький пестрый бумажный фонарик.

— Ах, какая прелесть! — воскликнуло в один голос несколько товарищей. — Откуда ты его взял?

— Это еще не все! — засмеялся Чи-ка-чи, — смотрите!

Он потрянул широким рукавом своего кафтана и оттуда что-то посыпалось.

— Что это?

— Наши складные бумажные фонарики, — с гордостью ответил китаец и принялся раскрывать фонари.

— Зачем же ты их положил в рукав?

— А куда же? — спросил с недоумением Чи-ка-чи.

— В карман!

— В китайских платьях карманов почти никогда не делается, — ответил Чи-ка-чи.

Он вернулся, держа в руке бумажный фонарик...

— В самом деле? — удивился я. — Ну-ка, покажи свое платье, я никогда не присматривался к твоему костюму.

— Вот смотри: широкие панталоны, синяя куртка, а сверху черная кофта. Зимой мы носим обыкновенно несколько курток, которые у богатых делаются из шелка. Богатые носят еще длинную верхнюю одежду с длинейшими рукавами. Никаких украшений на своей одежде мы не любим. Иногда лишь украшаем свое платье вышивками.

Пока китаец рассказывал о китайской одежде, остальные лилипутики развернули бумажные фонарики и, засветив их, взяли каждый себе по одному.

Только у одного меня не оказалось фонаря.

— Послушай, — обратился я к Знайке, — дай мне твой фонарик, а то я близорук и впотьмах, пожалуй, упаду.

— Я не могу, — возразил Знайка, — у меня самого только один. А вот, смотри, у Матросика два фонаря.

Я взглянул: в самом деле, у Матросика в руках было два фонарика.

Он поделился со мной и мы двинулись дальше.

Едва мы прошли шагов пятьдесят, как в темноте послышался какой-то стон.

— Кто это стонет? Что случилось? — переполошились все.

— Ох! Ох! Ой! — раздавалось где-то впереди на дороге.

Чумилка - Ведун, бывший впереди всех, побежал на стон. За ним поспешили другие.

— Да это Карапузик! — воскликнул Чумилка, нагибаясь и освещая своим кругленьким фонарем чью-то темную фигуру. В самом деле, на траве сидел Карапузик, потирая рукой свое правое колено.

— Что с тобой?

— Ох, ох! — стонал Карапузик, — упал, ушиб или вывихнул себе ногу; дальше идти не могу.

— Ну-ка, посмотрим, что с тобой! —

— Дай мне твой фонарик...

сказал доктор Мазь-Перемазь, выдвигаясь вперед.

— Посветите-ка мне!

Пуговка придвинулся вперед и осветил Карапузика своим фонарем.

— Пустяки! Маленькая ссадина! — заговорил Мазь-Перемазь. — Сейчас я тебе достану из моей аптечки примочку, забинтую ногу, и все пройдет. Только, друзья, — обратился он к нам, — советую прекра-

тить это ночное путешествие, пока мы все не искалечились.

— В самом деле, вернемся, переночуем, а завтра утром пораньше в путь! — предложил Бородач.

Как ни спорил Чи-ка-чи, но ему пришлось подчиниться общему решению.

Найдя подходящее местечко, мы расположились на ночлег.

Утром нас разбудили звуки колокольчика.

У Матросника в руках было два фонарика...

— Да это Карапузик! — воскликнул Чумилка, освещая своим фонарем чью-то фигуру...

— Что это за звон? — спросил я Чи-ка-чи.

— Это звонят в китайской церкви или пагоде, — ответил он. — Когда китайцы молятся, они всегда звонят в колокольчики... Вот, видите, там виднеется башня?

— Да, да — воскликнул Заячья Губа, — я вижу какое-то странное здание в виде башни.

— Это и есть пагода!

— Скорее идем туда! — предложил Скок. — Таких церквей мы еще не видели.

Мы пошли и скоро всей толпой окружили пагоду.

— Не попробовать ли взобраться наверх? — сказал Скок.

— Не надо, лучше внутри ее посмотреть, — возразил Дедко-Бородач, — а то вот и Карапузику будет трудно взбираться с больной ногой, да и я не охотник лазить по верхам.

— Ну, вот еще! — возразил Скок. — Эка невидаль! Все люди одинаково молятся. Это скучно. Я полезу, а вы как хотите.

— И я полезу с тобой! — сказал я.

Пуговка придвинулся вперед...

— И мы! — присоединились к нам некоторые другие.

Мы начали взбираться.

Мне в это время вздумалось подшутить над Карапузиком, напугать его. Я остановился и, подойдя к самому краю одного из выступов, окружавших в виде крыши каждый этаж башни, крикнул нарочно очень громко:

— Карапузик, берегись! Сейчас я прыгну отсюда прямо тебе на голову! Постор...

Вдруг — крак! Треск, шум! Выступ обломился и, не успев договорить, я в самом деле полетел вниз. Наверно, мне не миновать бы головы Карапузика, если бы не выступ следующего этажа, задержавший меня.

— Браво, Мурзилка, — засмеялся снизу Карапузик. — Говорил — полетишь, и полетел. Молодец! Честно держишь слово!

— Ну, ну, молчи! — крикнул я, оправляясь, — а то еще вторую ногу подобьешь себе... Это все китайцы виноваты, даже своей церкви не сумели прочно сделать. Что за страна такая!?

— Мурзилка, придержи свой язык, — заметил мне Чи-ка-чи. — А то, если мои сородичи услышат, беда тебе будет: живо раз-

Я полетел вниз...

ложат тебя на земле и накажут по пяткам бамбуковыми палками.

— Ну, ну, Чи-ка-чушка, не буду! — заговорил я, украдкой оглядываясь.

Ведь, в самом деле, какой-нибудь китаец мог услышать мои слова. К счастью, кругом все было спокойно и тихо. Городок был маленький, тихий, в роде деревни, улицы пустые, безлюдные.

Не теряя времени, мы двинулись дальше по дороге к Пекину.

На пути нам часто встречались чайные плантации, рисовые поля, большие пространства, засеянные хлопком.

XV.

— Теперь, братцы, осторожнее, чтобы нас как-нибудь не заметили китайцы, — сказал Знайка, когда мы проходили мимо одной китайской деревни. — Китайцы, — объяснил при этом Знайка, — не любят приезжающих в их страну чужих людей, и даже бывали случаи, когда они убивали этих людей...

— Неужели убивали!? — воскликнул я и предложил лучше вернуться обратно.

Но Чи-ка-чи нас успокоил.

— Это было прежде, давно, — сказал он. — Теперь мои сородичи, китайцы, уже не так строго относятся к чужестранцам. Теперь в Китае живет очень много иностранцев.

— Все-таки, мне кажется, чтобы избежать всякой опасности, нам следовало бы переодеться китайцами.

— Что-же, это можно, — ответил Чи-ка-чи. — Вот тут как раз стоит китайская хижина, в которой живут работники с чайных полей, или, как их называют, плантаций. У них, наверное, в хижине спрятана праздничная одежда. Вы можете все переодеться. А только лицом-то никто из вас не похож на китайца...

— Это ничего. Никто не разглядит, — решил Дедко-Бородач.

Спустя несколько минут, мы уже были в хижине.

Чи-ка-чи не ошибся. Там была тщательно сложена праздничная китайская одежда рабочих и их детей и, кроме того, там же находились носилки, на которых в Китае носят важных сановников-мандаринов, китайские знамена, оружие китайского воина и много других вещей.

Мы стали быстро переодеваться и вскоре уже многие из нас превратились в настоящих китайцев.

Взамен одежды, которую мы забрали, мы оставили деньги.

В носилки, которые нашлись в хижине, мы усадили самого толстого из нас, Мика, а доктор Мазь-Перемазь, Карпузик, Незнайка и Индеец понесли носилки на пле-

Вскоре уже многие из нас превратились в настоящих китайцев...

чах. Впереди пошел Хрипун с большой китайской грамотой, выкрикивая непонятные слова; сзади понесли китайские знамена, а Скок и Кнопка, переодетые китайскими во-

инами, один с саблей, другой с большой китайской пикой в руках, заняли место рядом с носилками — и шествие двинулось в путь.

Сзади за носилками пошли остальные дилипутики, в том числе я, Заячья-Губа, Тузик и другие.

Шествие двинулось в путь...

Я выбрал себе самое изящное китайское платье, какое только нашлось в хижине, прикрепил к нему букет и, захватив мое стеклышко и тросточку, двинулся вместе с остальными. Но в китайских войлочных ту-

флях очень неудобно было шагать вперед, и я предпочел поместиться в корзинке для овощей, прикрепленной к длинной бамбуковой палке, которую несли Заячья-Губа и Тузик.

В китайских войлочных туфлях очень неудобно было шагать вперед...

Сзади всех ехал на ослике Рикки в очках, имея впереди переодетого китайским трубачем Дундука, а сзади — китайского воина с пикой и саблей.

Долго шли мы, не встречая никого на пути, но вдруг Чи-ка-чи крикнул:

— Спасайтесь! Разбойники приближаются!

Конечно, все испугались и пустились бежать.

Сзади всех ехал на ослике
Рикки...

Тут произошло нечто такое, что даже описать трудно.

Несшие носилки с Миком споткнулись, и вслед затем Мик и все его четверо носильщиков очутились на земле.

Я в это время сидел, скорчившись, в моей корзине и никак не мог оттуда выбраться. Напрасно кричал я: «Стойте! Остановитесь! Дайте мне вылезть из корзины!»

Никто, очевидно, не слышал моего голоса. Все бежало по направлению к той хижине, где лежало наше платье.

Несшие носилки с Миком споткнулись...

Мы были уже у самой хижины, когда Чи-ка-чи вдруг расхохотался:

— А знаете, ведь я ошибся, — сказал он. — Никаких разбойников не видать. Это просто были... полевые мыши...

Переодевшись, мы решили отправиться дальше. Но я так устал, что идти никак не мог. Ведун и Скок решили мне помочь и понесли меня на носилках, сделанных из двух бамбуковых палочек и куска китайской

Мик и все четверо носильщиков очутились на земле...

материи. Пройдя довольно длинный путь, мы заметили китайский дом, куда вошли незаметно и спрятались в углу.

Вся семья сидела прямо на полу, на разостланных коврах из соломы и, повидимому, ужинала. На низеньком столике стояла

большая миска с вареным рисом и маленькие пестрые чашечки с чаем. Ни ложек, ни вилок не было. Китайцы ели рис гладко оструганными деревянными палочками, так ловко управляя ими, что не роняли ни одного зернышка.

Вид ужинавших людей возбудил у меня аппетит, и я решил пробраться к их столу. Ко мне присоединились Скок и Пучеглазка.

Ведун и Скок понесли меня на носилках...

Но только успели мы подойти к миске, как один из китайцев замахнулся и со всей силы ударил меня своей палочкой. Не помню, каким чудом я остался живым. В это время Пучеглазка и Скок благополучно удрали.

Нам пришлось лечь спать голодными.

На другой день с утра мы отправились осматривать город Пекин. Забравшись на высокую стену, разделявшую город на две части, мы увидели огромное число домов

и садов, желтые и зеленые верхи пагод и причудливые, покрытые блестящими кирпичами крыши какого-то огромного дворца.

Мы присматривались к китайской жизни на улице. Взад и вперед вокруг нас сновал народ, торговцы, дети, женщины. Все они были похожи один на другого: у всех желтые лица, узенькие глаза, приплюснутые носы, черные длинные косы.

Мы пробродили по улицам Пекина почти весь день.

Вечером Чи-ка-чи, уходивший куда-то, вернулся очень грустный.

— Плохие новости, — сказал он. — У нас в Китае идет война.

— Что за война? — всполошились все мы.

— Надо вам знать, — объяснил Чи-ка-чи, — что китайцы давно уже прогнали своего царя или, как здесь его называли, богдыхана. И с тех пор то и дело идет война между китайцами. Богатые хотят забрать в свои руки всю власть и править Китаем. За них воюет генерал Чжан-Цзо-Лин. У него большое войско и он завоевал весь север Китая. А на юге, в городе Кантоне, собрались те китайцы, которые хотят, чтобы Китаем правил народ, а не кучка богатых лю-

дей. Они хотят, чтобы хорошо жилось китайским крестьянам и рабочим. Эти люди собрали также громадное войско, разбили несколько генералов, защищавших, как и Чжан-Цзо-Лин, богачей, и завоевали весь юг Китая. Я слышал, что кантонцы собираются теперь драться со своим последним врагом...

— Надо поскорее удирать отсюда, — мудро посоветовал я.

— Ну, бои то далеко от Пекина, — пытался успокоить меня Чи-ка-чи. — Здесь нет опасности, и мы сумеем увидеть еще много интересного.

— Нет! нет! — настаивал я. — Раз китайцы собираются драться, может влететь и нам. И давайте поскорее переоденемся в европейское платье, чтобы нас не приняли за солдат Чжан-Цзо-Лина.

— Мурзилка прав, — поддержал меня Дедко-Бородач. — Пора нам подумать и об обратном путешествии.

— А я предлагаю, — закричал Знайка, — побывать еще в Японии. Это близко отсюда и к тому же страна очень интересная.

— Вот еще! Стоит ли ехать в Японию? — с презрением заметил Чи-ка-чи.

— Как хочешь, Чи-ка-чи, — ответил ему Бородач, — можешь оставаться здесь. Мы знаем, что вы, китайцы, не любите японцев.

— Нет, — сказал китаец, — я не хочу разлучаться с вами; кроме того, мне тоже интересно посмотреть Японию. Говорят, что китайцы и японцы родственны.

— Значит, едем в Японию! — закричал Знайка так громко, что проходившие мимо два китайца оглянулись.

— В Японию, в Японию! — подхватили хором мы.

Покинув Пекин, мы пешком добрались до моря и там сели на пароход, отправлявшийся в Японию.

XVI.

— Я сейчас узнал, что на нашем пароходе находится японец, который нам расскажет много интересного про Японию, — сказал Знайка, когда мы очутились в открытом море на пути из Китая в Японию. — Подождите, я его сейчас приведу.

Через минуту он снова появился, ведя с собой под руку маленького человечка, такого же маленького, как мы, но одетого в широкое японское платье с открытым вырезом спереди и подпоясанного широким поясом.

— Вот это японец Бирюшима, а это мои товарищи! — торжественно произнес Знайка.

Маленький японец раскланялся и пробормотал что-то по-японски.

— Вы едете вместе с нами в Японию и, конечно, поможете нам познакомиться с вашей родиной, — любезно начал Дедко-Бородач, подходя к Бирюшиму, и вдруг расхохотался.

— Ах, проказник! Ха-ха-ха! Ловко обманул! Хорош Бирюшима!

Я — Бирюшима...

Мы с недоумением смотрели то на Бородача, то на японца и вдруг сами расхохотались.

Японец Бирюшима был не кто иной, как наш же приятель, один из самых маленьких лилипутиков — Бирюлька.

— Ха-ха-ха! Ай, да Бирюлька!

— Я — Бирюшима, — серьезно произнес мнимый японец, стараясь сам удержаться от смеха.

— Теперь Бирюльки больше нет, — заметил Знайка, — смотрите, какой он стал желтолицый! — и Знайка запел:

Под горячим южным солнцем
Наш Бирюлька стал японцем,
В халат японский нарядился
И в Бирюшиму превратился.

Тут Скок подхватил:

А мы не далися впросак:
Сейчас смекнули — что и как.
Бирюльку живо в нем узнали
И Бирюшиму развенчали...

— Значит, вы не верите, что я японец? — засмеялся Бирюлька-Бирюшима. — Вот подождите, приедем в Японию, я вам докажу, как я ее хорошо знаю.

— В самом деле, — заметил Знайка, — наш Бирюшима отлично знает Японию и потому предводителем в путешествии по Японии будет он, а не я.

— Ну, куда же ты прежде всего поведешь нас, Бирюлька? — спросил доктор Мазь-Перемазь.

— В японскую столицу — Токио, — ответил Бирюлька. — Как только пароход подойдет к японскому берегу, мы направимся пешком в Токио...

— Пешком? — в ужасе вскричали я и Карапузик. — Мы не в состоянии...

— Ну, для вас можно сделать паланкин! — ответил Знайка.

— Это еще что за штука? — спросил я.

— Это ты сейчас увидишь. А пока идите,

друзья, наберите побольше небольших кусков дерева да веревок...

Работа быстро закипела.

Когда пароход подошел к Японии, паланкин был уже готов. Это было не что иное, как носилки, которые у японцев заменяют экипажи.

— Ну, Карапузик и Мурзилка, садитесь в паланкин! — скомандовал доктор Мазь-Перемазь.

Мы сели. Доктор, Заячья-Губа, Самоед, Пуговица и Вертушка приготовились нас нести.

— Позвольте, — заметил я, придвигаясь к Карапузику, — тут столько места, что может еще кто-нибудь сесть.

— Садись, Бирюшима, — предложил Заячья-Губа, — ты теперь японец, тебе следует по-японски и путешествовать.

— С удовольствием! — ответил Бирюлька, важно усаживаясь в паланкин.

Мы двинулись в путь.

Путешествие в паланкине оказалось очень приятным. Меня скоро убаюкало, и я незаметно задремал. Мне казалось, что я еду в лодке. Вдруг — сильный толчек. Я качнулся и чуть-чуть не вылетел кувирком.

Только успел схватиться за Бирюльку.

— Что случилось? — с испугом спросил я.

— Ничего не случилось, — ответил Бирюлька. — Носильщики споткнулись.

Был как раз полдень. На улице стояла такая ужасная жара, что буквально трудно было дышать.

— Куда бы спрятаться от солнца, — застонал Карапузик, — а то я скоро растаю от жары.

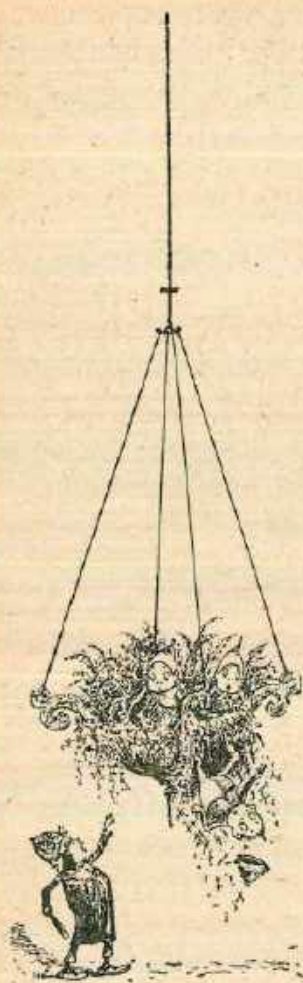
— Надо просто зайти в какой-нибудь дом, переждать жару, — сказал Дедко-Бородач, — а то в самом деле трудно идти.

Мы согласились с этим и подошли к ближайшему же маленькому домику.

В комнатах никого не было, кроме молоденькой японки, крепко спавшей на деревянной низенькой подставке, заменявшей ей кровать. Вместо подушки у нее была маленькая деревянная скамеечка.

— Как ей, бедной, неудобно спать на такой скамеечке! — заметил Рикки, любивший поспать.

— Такие подставки под головы японки употребляют, чтобы не помять своих причесок. Смотрите, как она причесана! — объяснил нам Знайка.

Скок полетел вниз
головой...

В самом деле, у спящей японки была какая-то необыкновенно затейливая высокая прическа, при чем волосы держались, точно склеенные чем-то.

В то время, как мы рассматривали спящую японку, в соседней комнате раздался грохот.

Разбуженная шумом, японка вскочила на ноги.

Мы, как мыши, метнулись в разные стороны.

— Это кто-то из наших напроказил, — заметил Чи-ка-чи, прячась вместе со мной за большой веер, расставленный в комнате в виде ширмы.

Когда через минуту мы оттуда выгля-

нули, в комнате никого уже не было: все лилипутики выбежали на улицу. Мы вышли из своей засады и пустились за ними.

— Что там случилось? — спросил я, догоняя Бородоча.

— Скок, Путька и Пуговица увидели в японском домике висячий вазон с цветами и, забравшись на него, давай качаться, как на качелях, — вмешался в разговор Тузилка. — Я только успел крикнуть им: — «Смотрите, оборветесь!» как — трах! — Скок полетел вниз головой, веревка оборвалась и тяжелый вазон грохнул на пол.

На улице было попрежнему жарко. Чтобы спастись как-нибудь от палящего солнца, мы раздобыли в игрушечном магазине много детских маленьких японских зонтиков и, закрывшись ими, решили продолжать наше путешествие. Эти зонтики оказались очень удобными в пути. Далее мы с ними уже не расставались, и все наше путешествие по Японии мы совершили под зонтиками.

Добравшись сначала до города Иокагамы, а оттуда до столицы Японии, Токио, мы принялись осматривать дома, улицы, сады.

Но столица Японии оказалась совсем не красивой. Она только отстраивалась после

сильного землетрясения, бывшего два года назад. В ней много домов, маленьких, ни-

Лилипутики на улицах Токио.

зеньких, деревянных. Среди них выделяются храмы, одна огромная пагода и прекрасный дворец микадо, т. е. японского императора,

окруженный высокой каменной стеной и широким, наполненным водою, рвом. Что нам понравилось в Токио, так это большой парк Шiba, в котором находится гробница шести сиогунов, т. е. древних правителей Японии. Экипажей в Токио мы не встречали, но зато

Все путешествие мы совершили под зонтиками...

там много двухколесных повозок, которые везут люди. Это японские извозчики или дженерикши.

Но более всего нас поразило в Токио то, что из японцев, которых мы встречали, одни носили японское платье, длинные халаты, вышитые пестрыми цветами, между тем, как другие были одеты в европейское платье.

— Почему это? — спросили мы Знайку.

— Видите-ли, — объяснил нам Знайка, — прежде все японцы одевались в свои народные костюмы, носили косы, как китайцы, и чуждались других образованных народов. Но теперь японцы, особенно живущие в больших городах, одеваются уже по-европейски, стригут волосы и во всем походят на европейцев. Они усердно учатся и даже теперь уже настолько образованы, что не уступают самым просвещенным народам Европы. У них свои университеты, академии, много школ, фабрик и т. п.

Мы, вероятно, остались бы еще на несколько дней в Токио, но жара становилась все больше и больше. Поэтому решено было уехать из Японии на первом же пароходе, который уйдет в Сибирь.

И на следующий же день мы уже опять двинулись в путь.

XVII.

Из Японии мы благополучно, без особенных приключений, прибыли в пределы России, в Сибирь, и решили сесть на сибирский поезд, который довез бы нас обратно до Москвы.

От других пассажиров на границе потребовали паспорта. Нас же пропустили без всяких препятствий. Очевидно, нас не заметили.

— Завтра мы уже будем сидеть в поезде, который отправляется в Москву, — мечтал я.

Но моим мечтам не суждено было сбыться.

В поисках вокзала мы сбились с пути и очутились в глухих, пустынных местах. Все дороги куда-то исчезли.

К тому же и погода изменилась, наступили холода, повалил снег. Долго блуждали мы туда и сюда, разыскивая дорогу. Наконец, мы очутились в тайге, как называют в Сибири густые, непроходимые леса. Чем дальше, тем лес становился гуще. В довершение всего поднялась метель.

Идти сделалось совсем невозможно. Снег слепил глаза, резкий ледяной ветер пронизывал насквозь.

Мы дрожали от холода, не зная, как отогреть свои окоченевшие члены. Особенно жалок был Китаец. В его легком китайском платье ему было хуже, чем нам всем.

— За-а-амерз-заяю!
едва мог выгов-
орить он...

— За-а-амерз-заяю! — едва мог выговорить он, вытаращив свои узенькие глазки и выбивая зубами мелкую дробь.

— А я уже замерз! — заявил Треуголка. — Мои ноги не ходят, придется их передвигать руками! — и, говоря это, Треуголка поднял руками свою левую ногу и так

махнул ею в воздухе, что чуть не попал в нос подвернувшемуся Скоку.

Хорошо чувствовал себя один только Эскимосик.

— Просто прелесть какой морозец! — восторгался он.

— Ты, Эскимос, молчи! — сердито остановил его Матросик. — Тебе одному хорошо в твоём меховом мешке!

Хорошо чувствовал себя Эскимосик...

Матросику самому было очень холодно, и потому у него было плохое настроение.

Он вытаращил глаза, расставил руки и выглядел так свирепо, точно собирался вступить в рукопашную.

— Вы бы развели огонь! — посоветовал Эскимосик.

— А в самом деле! — обрадовался Матросик. — Скорее, друзья, давайте, разведем костер! — и он живо принялся за дело.

Мы усердно стали помогать ему. Из-за ветра и снега дело долго не ладилось, но, наконец, благодаря стараниям Матросика, огонь запылал. Мы с удовольствием начали греться.

А снег, между тем, сыпал и сыпал.

Переносить мятель долее стало невозможно. Нас могло совсем занести снегом. С сожалением покинув костер, мы двинулись дальше.

Местами снегу насыпало столько, что мы проваливались по самое горло. Иногда казалось, что нам никогда не удастся уже выбраться отсюда.

Наконец, к нашей радости, лес стал редеть, и мы очутились на открытой поляне.

Благодаря стараниям
Матросика, огонь скоро
запылал...

— Товарищи, — весело закричал Вертушка, — смотрите-ка, жилье близко! Вот там виднеются два огонька!

— Нет, даже больше двух, — заметил Скок, всматриваясь вдаль при наступивших сумерках. — Три, четыре, пять... Ого! Да тут, видно, целая деревня!

Заинтересованные, все мы тоже стали вглядываться. Вдали, в самом деле, сверкали какие-то светлые точки.

— Удивительно, — бормотал Индеец, вперя свои зоркие глаза в даль, — мне кажется, что эти огоньки движутся. Странно! Очень странно!

Вдруг его глаза стали совсем круглыми.

— Это волки! — закричал он не своим голосом и судорожно схватился за свой топорик.

— Волки! Волки! — как эхо повторяли

Мы проваливались по самое горло...

мы и от страха не были в силах двинуться с места.

Наконец, первый опомнился Знайка.

— Спасайтесь! — крикнул он, — бежим в лес, скорее, на деревья!

И он бросился бежать.

Мы пустились за ним.

К нашему ужасу, скоро до нашего слуха долетел жалобный вой.

Волки нас совсем догнали...

Собрав все свои силы, мы, казалось, не бежали, а летели все вперед и вперед. Однако, голодные волки почуяли, должно быть, добычу.

Они бросились за нами и преследовали нас так быстро, что скоро стало слышно щелканье их острых зубов.

Никогда еще нам не приходилось так плохо. Прошла минута, другая, и волки нас совсем догнали.

С ужасом почувствовал я вдруг, что один из них схватил меня за ногу.

Не помня себя, подпрыгнув от боли, я обернулся и со всего размаха ударил волка по лбу своей тросточкой. Ошеломленный

хищник на момент отступил, но потом снова кинулся на меня. Мне не миновать бы его острых зубов, если бы, к счастью, вблизи не было большого дерева. Быстрее молнии метнулся я к дереву и, с ловкостью дикой кошки, взобрался на ветку.

Разозленный волк остался внизу и страшно щелкал зубами.

Я обернулся и ударил волка по лбу...

На дереве было уже много лилипутиков, спасшихся, как и я, от своих преследователей.

Рассвирепевшие волки окружили дерево, скаля зубы и стараясь достать до нас. Они подпрыгивали, царапали по стволу когтями, были.

Едва я успел взобраться на дерево, как один из самых свирепых волков, подпрыгнув, вцепился зубами в ту ветку, на которой я сидел. Только удар моей тро-

сточки вторично спас меня от него. В ту же минуту другой волк, ловко прыгнув, ухватил зубами фалды сюртука доктора Мазь-Перемазь. Бедный доктор, наверно, свалился бы с дерева, если бы его не удержал Заячья-Губа. Во всяком случае, сюртук его сильно пострадал, так как часть его осталась в зубах у волка.

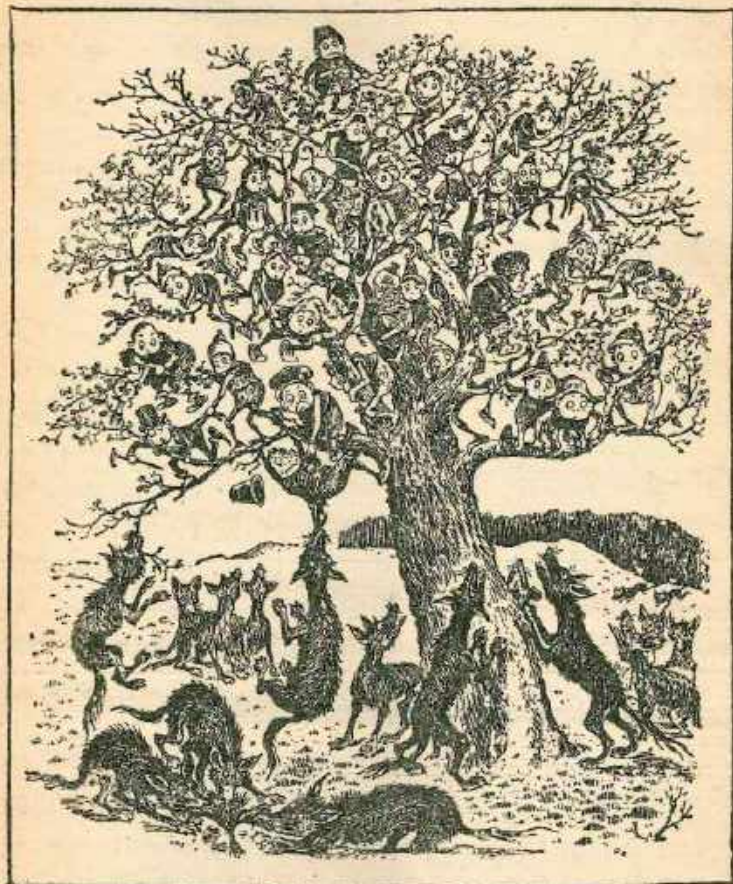
Между тем, волки, озлобленные тем, что никто из нас не попал им в зубы, выли, стонали, скулили. Очевидно, однако, они все еще не потеряли надежды нас схватить и не хотели так скоро расстаться с ускользнувшей от них добычей. Проходил час за часом, а они все еще караулили нас под деревом, страшно щелкая зубами и жалобно вой. В темноте наступившей ночи сверкали лишь их горящие глаза, принятые нами раньше за огоньки.

Мы стали приходить уже в отчаяние.

Что будет, если волки вздумают караулить нас целую неделю?

Не сидеть же нам вечно на дереве и ждать голодной смерти.

Я, как самый храбрый, первый заговорил о том, что нам следовало бы как-нибудь спуститься, обмануть волков и убежать.

На дереве было уже много лилипутиков...

— Что ты! Что ты! — закричали все.

Так прошла ночь, в течение которой никто из нас, конечно, не сомкнул глаз.

К счастью, волкам, очевидно, надоело ждать, и на рассвете они покинули нас и удалились в глубину леса.

Со страхом спустились мы с дерева и, осторожно, чтобы случайно не обратить внимания волков, по одиночке направились в противоположную сторону.

Снова началось наше путешествие по снежной пустыне. Мы блуждали, совершенно не зная, где мы находимся, пока, наконец, каким-то чудом добрались до самоедского селения.

Самоеды еще мирно спали, когда мы подошли к первому с краю жилищу или, как их называют самоеды, кибитке, сделанной из шкур собак.

У этого жилища стояли сани, запряженные собаками, так как самоеды ездят, большей частью, на собаках, впряженных в легкие санки.

В каждые санки впряжено было по три пары собак. Не было сомнения, что самоеды решили в это утро совершить какое-нибудь большое путешествие.

— А что, братцы, не воспользоваться ли случаем и не проехаться ли на собаках? — предложил Скок.

— Нет, нет! — произнес Карапузик. — Как можно отнимать у бедных самоедов их собак!

— Мы их и не отнимем, — объяснил Скок. — Доедем только до ближайшего города, а там пустим их обратно. Собаки и вернутся домой. Самоеды даже, пожалуй и знать не будут, что мы воспользовались их собаками.

Предложение Скока было после этого принято единогласно.

Но нас было так много, что собак не хватило.

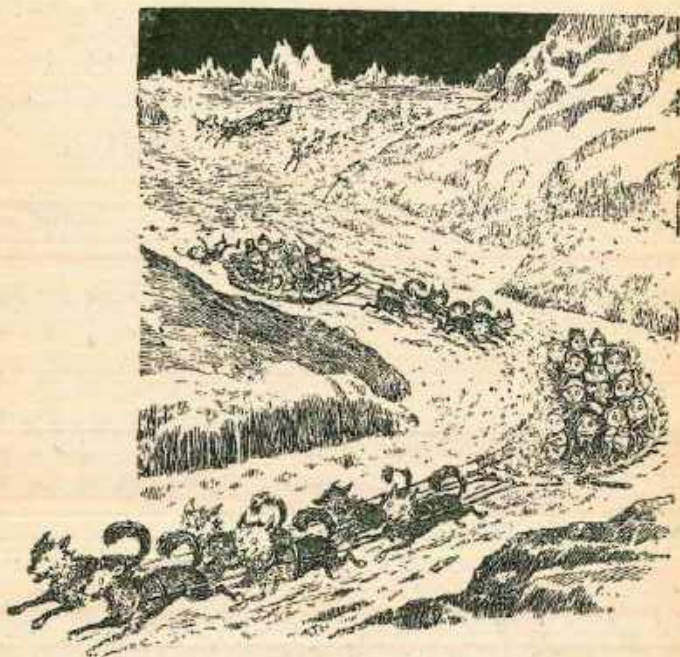
— Ну, что-ж, не беда! — воскликнул Знайка, — я вижу, здесь стоят олени. Самоеды ездят и на оленях. Олени отлично заменяют им лошадей. Санки здесь имеются — давайте запрягать оленей.

Прошло несколько минут, и олени уже запряжены в сани.

Разместившись, мы тронулись в путь. Собаки мчались так быстро, что некоторые из нас не удержались и попадали в снег. А санки с оленями едва поспевали за нами.

Езда на собаках и оленях продолжалась несколько часов. Наконец, мы доехали до какого-то маленького сибирского городка.

Там мы остановились и отпустили собак и оленей, привязав санки, запряженные оленями, сзади санок, запряженных собаками.

Мы тронулись в путь...

Сами же мы отправились нанимать лошадей. Вскоре лошади были наняты, мы расселись в удобные почтовые сани и благополучно, без всяких приключений, добра-

лись до ближайшей станции железной дороги.

Здесь мы сели в поезд. Усталые, измученные, мы тотчас же заснули, забыв даже о том, что мы несколько дней ничего не ели.

Прошло несколько времени, раздался звонок, и поезд тронулся.

Через десять дней мы вернулись в Москву.

